

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Соперничество государств в Арктике в современных международных
отношениях

Руководитель	_____	<u>доцент, к.ю.н</u>	<u>В.А. Мещериков</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>У.В. Мазуркевич</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Национальные стратегии государств в Арктическом регионе.....	6
1.1 Национальные стратегии и политика циркумполярных государств в Арктике в 1990-ых годах.....	6
1.2 Действующие национальные стратегии и текущая политика циркумполярных государств в Арктике.....	17
2 Споры и конфликты в Арктическом регионе	30
2.1 Споры территориального характера в Арктическом регионе.....	30
2.2 Политические и военно-политические аспекты международных отношений в Арктике	35
2.3 Неарктические игроки в регионе. Позиция арктических государств.....	46
2.4 Потенциальные сценарии и тенденции развития международных отношений в Арктическом регионе.....	50
Заключение.....	55
Список использованных источников.....	59

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап международных отношений характеризуется резким обострением международной ситуации и возобновлением давних конфликтов между государствами в разных регионах мира. В то же время Организация Объединенных Наций объявила Арктический регион территорией мира и сотрудничества. Актуальность рассматриваемой темы определяется тем, что в условиях современной экологической обстановки степень напряженности в отмеченном регионе растет. На это влияют такие аспекты, как таяние арктических льдов и, соответственно, открытие значительных запасов нефти, газа и урана, которыми стремятся завладеть государства путем присвоения шельфов; увеличение продолжительности функционирования транспортных артерий, таких как Северо-западный проход и, в большей степени, Северный морской путь; появление обширных возможностей для размещения военно-промышленного комплекса в регионе для защиты северных границ от потенциальной угрозы и, как следствие, милитаризация Арктики [10, с. 113].

Более того, в последние годы Арктический регион представляет особый интерес не только для приарктических государств, — это Россия, США, Канада, Дания, Норвегия, а также Исландия, Швеция и Финляндия, - но и среди стран, далеких от Северного полюса. Таким образом, очевидно, что конкуренция в регионе будет только усиливаться. По этой причине считаем необходимым рассмотреть существующие и потенциальные споры в регионе, оценить его военно-стратегическую важность, определить, как активизация интересов неарктических государств влияет на степень напряженности в регионе, а также спрогнозировать, насколько реальным представляется полноценный конфликт государств в Арктике.

Объект исследования: современные международные отношения в Арктическом регионе.

Предмет исследования: современная политика государств в Арктике, их споры и противоречия в регионе.

Цель исследования: проанализировать конфликтный потенциал Арктического региона на современном этапе.

Задачи исследования:

1. Проанализировать национальные стратегии и политику циркумполярных государств в Арктике в 1990-ых годах;
2. Рассмотреть действующие национальные стратегии и текущую политику циркумполярных государств в Арктике;
3. Исследовать споры территориального характера в Арктическом регионе;
4. Оценить политические и военно-политические аспекты международных отношений в Арктике;
5. Описать политику неарктических государств в регионе и охарактеризовать позицию арктических государств;
6. Спрогнозировать потенциальные сценарии и тенденции развития международных отношений в Арктическом регионе.

Практическая значимость данной работы обосновывается тем, что результаты и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшей подготовке научных работ в области изучения арктической политики восьми арктических государств, а также анализа конфликтного потенциала Арктического региона.

Научная разработанность исследования заключается в актуальности и значимости данного вопроса, так как многие специалисты в области международных отношений уделяют ему особое внимание. Фундаментальными авторами в данной отрасли можно назвать В.П. Журавеля, М.Ю. Гутенева. Немаловажный вклад в изучение этой проблемы внесли С.Н. Леонов, И.А. Аржанов, А.В. Загорский.

Эмпирическую базу исследования составляют Национальные стратегии государств в Арктике, другие законодательные акты, международно-правовые акты (договоры и соглашения, декларации, меморандумы, посвященные развитию региона), отчеты Министерств, а также заявления и выступления

официальных лиц государств в направлении арктической политики, материалы СМИ, монографии и научные статьи. Особое внимание стоит уделить Конвенции ООН по морскому праву 1982 года как основополагающему документу, определяющему правовой статус региона.

Написание работы включало следующие методы исследования: анализ политики государств в Арктике, сравнительный анализ национальных стратегий циркумполярных государств в 1990-ых и 2020-ых годах, индукция (переход от конкретных действий государств к общей тенденции развития МО в Арктике), классификация споров и противоречий государств в регионе, прогнозирование сценариев развития МО в Арктике.

Настоящая работа обладает новизной в отечественной науке о международных отношениях, поскольку является одним из немногих русскоязычных комплексных исследований на тему конфликтного потенциала Арктического региона на современном этапе.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

2 Национальные стратегии государств в Арктическом регионе

1.1 Национальные стратегии и политика циркумполярных государств в Арктике в 1990-ых годах

В данной части работы мы проанализируем национальные стратегии или иные официальные документы и события, посвященные Арктическому региону в самом начале современного этапа международных отношений (1990-ые года) для оценки подходов ведущих циркумполярных государств к освоению Арктики в этот период. Отмеченное десятилетие выбрано не случайно: с распадом Советского Союза и завершением противостояния по линии Запад - Восток произошло изменение мирового геополитического ландшафта, что привело к открытию совершенно новых возможностей сотрудничества. Так, подобные намерения распространялись и на Арктический регион.

Однако стоит подчеркнуть, что в переломный момент истории, которым обозначен данный период, правящие структуры большинства государств в меньшей степени задумывались о политике в северных отдаленных районах. Этим объясняется ограниченное количество информации на заданную тему и зачастую полное отсутствие арктических стратегий и доктрин в этот период.

Вместе с тем международная архитектура в регионе значительно преобразилась: 1990-ые года ознаменовались подписанием основополагающих соглашений (например, Стратегии о защите окружающей среды Арктики 1991 года), а также учреждением большинства действующих организаций, таких как Совет государств Балтийского моря (1992), Северный форум (1992), Совет Баренцева/Евроарктического региона (1993), Конференция парламентариев Арктического региона (1994) и, конечно же, Арктический совет (1996) [25, с. 58]. Стоит отметить, что все приарктические государства принимали участие в создании упомянутых организаций и учреждении их институтов. Данный факт изначально свидетельствует о возрождении определенного международного интереса к региону.

Несмотря на то, что точные границы арктических зон государств не определены, представляется возможным приблизительно установить соотношение территорий стран в этом регионе в соответствии с Конвенцией ООН 1982 года. Таким образом, большая часть территорий и акваторий Северного Ледовитого океана приходится, конечно, на Российскую Федерацию (около 40%). Далее следует Канада (25%), Дания (более 15%), США (10%) и Норвегия (10%) [10, с. 113]. Еще три страны – Исландия, Швеция и Финляндия – не имеют выхода к Северному Ледовитому океану, но также считаются приарктическими.

Так, в первую очередь акцентируем внимание на арктической политике Российской Федерации в 1990-ых годах. Предшествующая рассматриваемому периоду пятилетка характеризовалась значительным снижением внимания властей к данному региону вследствие внутривнутриполитической нестабильности. Так, многочисленная инфраструктура региона была заброшена [17, с. 240].

Несмотря на распад Советского Союза в 1991 году, новое правительство в достаточно ускоренном режиме активизировало политику в северном регионе, занимающим пятую часть всей территории страны, с учетом меняющейся международной конъюнктуры. Так, например, уже в 1992 году была образована Межведомственная комиссия по делам Арктики и Антарктики. В отмеченный период комиссия координировала и контролировала выполнение задач в различных областях деятельности (научной, социально-экономической, хозяйственной и других) в выделенных регионах [28]. Комиссия прекратила свое существование в 2004 году.

Кроме того, отметим Всероссийский научно-координационный центр по комплексным проблемам Севера и Арктики, учрежденный в том же году [29]. Таким образом, создание новых государственных механизмов и структур свидетельствует об углублении политики Российской Федерации в северном направлении в социально-политических областях.

В направлении международного сотрудничества безусловно нельзя не отметить «Мурманские инициативы» Михаила Горбачёва 1987 года.

«Инициативы» включают в себя отказ от размещения ядерного оружия в Северной Европе и ограничение активности военного флота в этом регионе, а также мирное освоение ресурсов Арктики и защита хрупкой окружающей среды региона [17, с. 25]. Несмотря на то, что «Инициативы» выходят за рамки рассматриваемого нами периода, а также на их частичную реализацию, речь Горбачёва в Мурманске стала поворотным моментом для региона и придала импульс арктическому взаимодействию.

В рамках вопросов безопасности в регионе стоит отметить лишь присоединение Российской Федерации к многочисленным организациям Арктики, а также подчеркнуть факт проведения совместных учений военных сил России и Норвегии («Помор-1994») у берегов последней. Помимо этого, в маневрах принимали участия корабли США, Великобритании и Нидерландов [17, с. 49]. Можно констатировать, что такое событие являлось беспрецедентным по меркам того периода и немыслимым в настоящих условиях.

Более того, в 1997 году Россия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву, стараясь привести политику в соответствие с международно-правовыми нормами и впоследствии лишившись контроля над 1,7 млн кв. км. акваторий в Северном Ледовитом океане.

Таким образом, в выбранный нами период имеют место быть отдельные решения, касающиеся региона, однако не было принято всеобъемлющей Арктической стратегии России. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что политика РФ в северных регионах не носила комплексного характера, вероятно, в связи с фокусом правительства страны на иных направлениях развития.

Обратим внимание на документы Канады в области арктической политики в 1990-ых годах. В целом нельзя не подчеркнуть, что это десятилетие в канадском спектре внимания посвящено переосмыслению своих арктических приоритетов. Стоит отметить, что канадское правительство было целиком сфокусировано на экологических проектах, развитии и повышении уровня

жизни жителей северных районов, а также нормализации исторически сложных отношений с народами своего Крайнего Севера [21, с. 60]. По этой причине большая часть договоров и соглашений обозначенного периода посвящены именно этой повестке. В то же время не существует единого соглашения между правительством Канады и всеми территориями, входящими в ее состав. Таким образом, Канада как федеративное государство подходит к решению вопросов с каждой территориальной единицей индивидуально, подчеркивая уникальность каждого народа.

Так, например, обратим внимание на Окончательное рамочное соглашение (The Umbrella Final Agreement). Соглашение было достигнуто в 1993 году между правительством Канады, правительством Юкона и Советом индейцев Юкона и представляет собой общий документ по пакету земельных претензий, относящихся к данной территории, а также ряду других областей, таких как «компенсационные выплаты, самоуправление, а также создание советов и трибуналов для обеспечения совместного управления» [56, с. 4]. Похожими соглашениями на других территориях являются Всеобъемлющее соглашение по земельному иску кучинов от 1992 года, Нунавутское соглашение от 1993 года и Всеобъемлющее соглашение о земельных претензиях народов сахту, дене и канадских метисов от 1993 года.

В направлении международных отношений отмечается, что в 1990-ые года Канада активизировала свое участие в многосторонних форумах и организациях. Отмеченная ранее переоценка направлений развития Канады привела к идее создания совета арктических государств. Так, именно Оттавская декларация положила начало учреждению Арктического совета в 1996 году [6]. В вопросах международного сотрудничества в Арктике на основной повестке Канады стоит содействие устойчивому развитию и безопасности человека. Однако комплексной стратегии, затрагивающей межгосударственные отношения в регионе в рассматриваемый период, опубликовано не было. Всеобъемлющая официальная стратегия, посвященная вопросам безопасности и международным отношениям в регионе, была опубликована лишь в 2007 году.

Такой факт, конечно, свидетельствует о том, что Арктика не находилась в числе приоритетных направлений политики Канады в 1990-ых годах. Таким образом, внутренняя политика Канады в Арктике по отношению к коренным народам своего Крайнего Севера была плодотворнее и результативнее, чем внешняя политика в обозначенный промежуток времени.

Оценим политику Королевства Дания в Арктическом регионе в 1990-ых годах. В отмеченный период Дания уделяла повышенное внимание вопросам природных ресурсов этого региона, его социально-экономического развития, проблемам климата. Данными аспектами занимались многочисленные научные программы, чьей деятельностью поспособствовало принятие Национальной стратегии арктических исследований, разработанной Министерством образования Дании. Более того, в 1993 году правительство Дании утвердило долгосрочную программу содействия Гренландии в вопросах защиты окружающей среды этого острова, а годом позже на основе Министерства окружающей среды Королевства был создан Консультативный комитет по Арктике [11, с. 78]. Так, можно сделать вывод, что из восьми приарктических государств вопросы экологии больше всего преобладали в повестке Дании. Вероятно, это было связано с необходимостью установки более доверительных отношений между Данией и ее автономиями.

В международном направлении Дания также взяла на себя инициативу продвижения социально-экономической и экологической повесток, а именно вопросов защиты окружающей среды и условий становления устойчивого развития региона. Именно этим аспектам и посвящена Нуукская декларация о защите окружающей среды и развитии Арктики, принятая восьмью арктическими государствами в 1993 году в гренландском Нууке [54].

Вместе с этим Королевство активно занималось вопросами определения границ континентального шельфа Гренландии: в конце 1980-ых годов Дания предоставила на рассмотрение в Международный суд ООН дело об определении границы шельфа между Гренландией и Норвегией. На основании решения суда в 1995 году стороны подписали Соглашение об установлении

линии разграничения континентального шельфа и рыболовной зоны в районе острова Ян-Майен. Так, Норвегия и Дания получили 57% и 43% территории спорного района соответственно [25, с. 106]. Более того, двумя годами позже были установлены границы континентального шельфа с Исландией.

Подытоживая, следует отметить, что как внутренняя, так и внешняя политика Дании в Арктике в 1990-ых годах была сосредоточена, в первую очередь, на вопросах экологии и климата региона. Внутреннее направление политики, по нашему мнению, является более активным. Также примечательны вопросы разграничения континентального шельфа, которые приобретут более острый характер в последующие десятилетия.

Рассмотрим арктическую политику Соединенных Штатов Америки 1990-ых годов. Здесь необходимым для нашего исследования документом является Президентская директива о политике США в Арктическом и Антарктическом регионах, подписанная Биллом Клинтонем в июне 1994 года. Директива стала одним из первых документов США по части арктической политики.

Так, в пятистраничном документе Президент Билл Клинтон выделяет 6 целей политики США в Арктике: обеспечение национальной безопасности в условиях окончания Холодной войны, защита окружающей среды, обеспечение рациональной добычи природных ресурсов и устойчивого экономического роста, продвижение сотрудничества между восьмью арктическими государствами, вовлечение коренных народов Арктики в механизм принятия решений и расширение научного мониторинга. Очевидно, директива носит комплексный характер, мы же обратим внимание на геополитический аспект документа.

Директива подчеркивает необходимость поддержания мира и стабильности в регионе, при том с лидирующей позицией США в данном вопросе. Примечательна ссылка на принципы Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которую США не ратифицировали и на сегодняшний момент: «Мы должны способствовать свободному перемещению судов и самолетов в соответствии с принципами Конвенции по морскому праву 1982 года,

контролировать наши границы и районы, находящиеся под нашей юрисдикцией, и проводить военные операции в регионе» [55, с. 3].

Несмотря на традиционную для США риторику относительно возможности проведения военных учений и операций в любом регионе мира, Соединенные Штаты все же оставляют пространство для маневра в контексте окончания Холодной войны и отмечают, что «новая атмосфера открытости и сотрудничества с Россией создает беспрецедентные возможности для широкого взаимодействия всех восьми приарктических стран» в различных областях [55, с. 3]. Учитывая экономическую ситуацию в России после распада СССР, администрация Клинтона рассматривала проекты помощи РФ в области охраны окружающей среды Арктики: «Агентство по международному развитию должно учитывать арктические проблемы при разработке инициатив для нашей российской программы помощи в рамках экономического и технического сотрудничества» [55, с. 4]. Отмечались и иные идеи двустороннего сотрудничества.

В целом, отношениям с Российской Федерацией небезосновательно посвящено около трех абзацев в достаточно коротком документе. Можно предположить, что таким образом демонстрируется тезис о том, что стабильное и продуктивное сотрудничество в регионе невозможно без взаимодействия с Россией.

Таким образом, в середине 1990-ых годов в правящих кругах США существовали некие опасения, но вместе с тем и надежды на плодотворное сотрудничество с Российской Федерацией и другими циркумполярными странами в регионе. Из Директивы все же следует, что Арктика не является наиболее приоритетным для США регионом в спектре вопросов обеспечения безопасности. Директива в большей степени посвящена вопросам невоенной безопасности, и общая атмосфера Директивы достаточно нейтральна.

Обратимся к арктической политике и деятельности Норвегии. Большая часть внимания норвежских властей в международном направлении в 1990-ые годы была сфокусирована на территориальных и экономических вопросах. Так,

мы уже упоминали решение Международного суда ООН относительно разграничения границ континентального шельфа между Норвегией и датской Гренландией. Более того, время от времени разгорались споры с соседом Норвегии – Россией – касательно вопросов рыболовства. Так, например, Норвегия часто вносила изменения в нормы отлова рыбы в своих водах, чем вызывала негодование российских властей и компаний [11, с. 95].

Нельзя не отметить, что, несмотря на разногласия, после окончания Холодной войны отношения Норвегии и России заметно потеплели: например, две приарктические страны с высокой периодичностью проводили совместные рейды против незаконного рыбного промысла в Баренцевом море. О смягчении трений свидетельствует и ранее упоминавшиеся учения «Помор-94».

Примечательна и активная деятельность Королевства в международных институтах региона, а также фундаментальная роль страны в учреждении новых направлений развития арктической политики. Так, 3 северные страны, не входящие в Европейский союз (Россия, Норвегия и Исландия) положили начало совместной инициативе с упомянутым наднациональным образованием, география которой охватывает Балтийское и Баренцево моря. Данное сотрудничество под названием «Северное измерение» направлено на укрепление диалога между ЕС и его государствами-членами, северными странами, ассоциированными с ЕС в рамках Европейской экономической зоны (Норвегия и Исландия) и России [15, с. 80]. Направления политики данного проекта касаются вопросов экономики, образования, окружающей среды, трансграничного сотрудничества.

Таким образом, в 1990-ых годах политика Норвегии характеризовалась решением территориальных разногласий, а также отличалась интенсивным наращиванием отношений с Российской Федерацией и активизацией работы страны в международных институтах.

Перейдем к арктической политике Швеции в 1990-ых годах. Швецию называют «пассивным арктическим игроком», поскольку свою первую арктическую стратегию она выпустила лишь в 2011 году - самой последней по

сравнению со странами «арктической восьмерки». Заявлений официальных лиц в 1990-ые года также не было достаточно, чтобы сделать полноценные выводы о политике Швеции в обозначенный нами период.

Вместе с этим Швеция была вовлечена в многоплановое международное сотрудничество в Арктике в рамках Арктического совета с самого начала его создания. Зачастую подобное сотрудничество было направлено в научно-исследовательское русло. Но большей частью исследований руководил и продолжает руководить все же Шведский секретариат полярных исследований. В первую очередь, нельзя не отметить совместную научную деятельность Швеции и Норвегии на Шпицбергене в начале 1990-ых годов, так же, как и многочисленные экспедиции, например, в Сибирь. Это экспедиции в Карском море и деятельность на полуострове Таймыр (1998 год), на острове Октябрьской революции (1999 год), а также более 20 экспедиций на канадских островах [41].

Таким образом, Швеция в 1990-ых годах не отличается особой активностью в арктических вопросах на международной арене, но вместе с тем ее деятельность касается масштабных научно-исследовательских проектов.

Арктическая политика Финляндии была де-факто намечена в самом начале 1990-ых годов. Во-первых, Финляндия являлась инициатором конференции в Рованиemi 1991 года по организации сотрудничества восьми приарктических государств в направлении охраны арктической окружающей среды. Конференция имела историческое значение для политического ландшафта Арктики, поскольку стала первым совещанием арктических государств на уровне министров, открыв долгий период сотрудничества в регионе [25, с. 146]. Впоследствии Финляндия продвигала вопросы экологии и сохранения биологического разнообразия на международном уровне – в рамках Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона. Во-вторых, ранее уже упоминалась инициатива "Северное измерение", в которой Финляндия играла одну из основополагающих ролей – начало было положено именно с речи финского премьер-министра в 1997 году о том, что при с

принятием в состав объединения Швеции и Финляндии в 1995 году Европейский союз приобрел «Северное измерение». Так, Финляндия внесла вклад в укрепление присутствия Европейского союза на Севере.

Финская политика в обозначенный период также отличается саамским вопросом. Этот народ является единственным проживающим на территории Европейского Союза, а также участвующим в работе Арктического совета. С самого начала образования Форума цель Финляндии заключалась в том, чтобы внести вклад в улучшение условий жизни саамов и их полной интеграции в устойчивое развитие региона.

Так, политика Финляндии в Арктике в 1990-ых годах была сфокусирована на социальном и экологическом направлениях. Особое внимание уделялось развитию саамских общин и сохранению экологического разнообразия региона. Нельзя не отметить продвижение Финляндией упомянутых повесток на международном уровне, а также значение арктического сотрудничества с Европейским союзом.

Рассмотрим арктическую политику Исландии в 1990-ых годах. Отметим, что после окончания Холодной войны исландские политические элиты достаточно неохотно уделяли внимание этому региону в обозначенный период. Так, первые официальные документы Исландии, касающиеся ее арктического измерения, датируются 2009 и 2011 годами. Стоит лишь предположить, что до начала нового тысячелетия Исландия, как государство, полностью находящееся в Арктическом регионе, не проводило разграничительную линию между внутренней и внешней политикой и арктической политикой. С активизацией международного интереса к региону необходимость подобной классификации все же появилась.

В отмеченный период власти государства в первую очередь были озабочены поддержанием военно-оборонного сотрудничества с США, поскольку после распада Советского Союза была утрачена необходимость присутствия американских военных баз на острове [11, с. 64]. В скором

времени они в действительности были демонтированы, чем и было вызвано дальнейшее исландско-китайское сближение.

Однако нельзя не отметить, что определенные события в арктической повестке все же имели место быть. Например, ранее уже упоминалась совместная деятельность России и Норвегии против незаконного рыболовства в Баренцевом море, которым, по сообщению некоторых источников, занималась именно Исландия, называя это «экспедиционным рыболовством». В любом случае, такое напряжение в регионе значительно повлияло на отношения Исландии и Норвегии в отмеченный период.

В международном спектре Исландия в 1994 году также присоединилась к Договору о Шпицбергене (Шпицбергенский трактат) 1920 года. Договором закреплялся суверенитет Норвегии над островом, однако с правом каждого присоединившегося к договору государства на эксплуатацию ресурсов и территориальных вод Шпицбергена.

Таким образом, несмотря на территориальное расположение Исландии, в 1990-ых годах страна в достаточно ограниченном формате принимала участие в международных делах, касающихся Арктики.

Таким образом, после окончания Холодной войны Арктический регион в целом рассматривался как территория низкой напряженности. Его практическая значимость как зоны стратегической важности в рамках вопросов безопасности была частично утрачена с окончанием противостояния по линии СССР-США и вновь начнет формироваться лишь десятилетиями позднее. Из этого вытекает некая «незаинтересованность» мировых держав к ведению международных дел в Арктике в обозначенный период. Об этом свидетельствует отсутствие полноценных комплексных стратегий государств относительно их арктической политики, несколько ограниченное участие в региональном взаимодействии. Особенно это касается государств, не имеющих выход к Северному Ледовитому океану.

Необходимо отметить, что по окончании Холодной войны государства сфокусировали свое внимание на внутреннем факторе развития Арктики, а

именно на вопросах экологии, коренных народов, ресурсном потенциале региона. Однако нельзя не подчеркнуть укрепление международного сотрудничества в указанный период по сравнению, например, с 1980-ыми годами. Так, был создан ряд основополагающих организаций региона, подписаны многочисленные соглашения.

Можно сделать вывод, что в обозначенный период в правительственных кругах «арктической восьмерки» действительно существовали надежды относительно придания Арктике статуса зоны мира и сотрудничества, как это было предложено в «Мурманских инициативах». В целом, деятельность государств в 1990-ых годах проложила путь комплексному формированию арктической политики государств, которое пришлось на середину и конец 2000-ых годов. Вероятно, циркумполярные страны активизировали свою арктическую деятельность в связи с появлением международного интереса к региону именно в этот период.

1.2 Действующие национальные стратегии и текущая политика циркумполярных государств в Арктике

Рассмотрим действующие национальные арктические стратегии государств, а также иные официальные документы и заявления официальных лиц государств, посвященные региону, и проведем сравнительный анализ с документами конца 20-го века для того, чтобы выделить определенные изменения в политике относительно этого региона и дать им оценку, а также ответить на вопрос, сохранилась ли Арктика в качестве территории мира и сотрудничества.

Необходимо отметить, что многие документы были изданы до поворотного момента в эскалации напряженности по линии Россия-Запад в феврале 2022 года. По этой причине рассматриваемые стратегии отражают положение дел в регионе в более позитивном ключе, чем не позволяют полноценно оценить текущий градус напряженности в Арктике.

Разберем текущую политику Российской Федерации в Арктическом регионе, закрепленную в «Основах государственной политики Российской Федерации на период до 2035 года» [23], а также в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [33]. Сфокусируемся на положениях последней.

Прежде всего, стоит отметить, что сегодня Арктика воспринимается Россией как регион, важный для сохранения ее суверенитета и защищенности границ – данные аспекты указаны в самом названии Стратегии 2020 года. Далее необходимо обратить внимание на статьи об особенностях развития Арктической зоны России (статья 4), в которой отмечается проблема роста конфликтного потенциала в Арктике. Статья 5 подчеркивает, что в «Арктической зоне располагаются объекты стратегических сил сдерживания в целях недопущения агрессии против Российской Федерации и ее союзников». Кроме того, статья 8 обращает внимание на то, что угрозы национальной безопасности РФ в Арктике требуют «постоянного повышения боевых возможностей группировок войск Вооруженных Сил РФ» [33].

Так, некоторое противоречие заключается в том, что вместе с вышеупомянутой констатацией факта наращивания и совершенствования вооружений в Арктике Россия стремится и к установлению международного сотрудничества в этом регионе, направленного на «сохранение Арктики как территории мира, стабильности и взаимовыгодного сотрудничества».

Статья 16 подчеркивает необходимость «международно-правового оформления внешней границы континентального шельфа» [33]. Таким образом, Россия не утрачивает надежд подтвердить свои права на национальное владение хребтом Ломоносова в качестве продолжения ее континентального шельфа. Кроме того, Северный морской путь неоднократно упомянут в качестве национальной транспортной артерии РФ, что позволяет оспорить позицию США относительно международного статуса СМП.

Также считаем, что в 2020 году Арктика естественным образом занимает более важное место в российской повестке, нежели в 1990-ых годах. Об этом свидетельствует, например, повышенное внимание к каждому отдельному региону, входящему в состав Арктической зоны РФ (статьи 20-28 закрепляют цели развития этих регионов).

Таким образом, проведя сравнительный анализ, можно сделать промежуточный вывод о том, что Россия, как и прежде, уделяет достаточно внимания внутривнутриполитическим проблемам региона, таким как, например, сокращение численности населения и вопросы экологии и коренных народов, однако в современном виде политика страны носит более комплексный характер. Вместе с тем, по сравнению с предыдущим рассматриваемым периодом, необходимо отметить невозможность не только проведения совместных учений в регионе по линии Россия-НАТО, но и возобновления в ближайшем будущем полноценного диалога между этими странами. С учетом всех рисков безопасности и перспектив региона, внимание и интересы России в Арктике значительно выросли и с годами будут только набирать обороты.

Обратим внимание на канадскую национальную политику в Арктическом регионе. Основные приоритеты Канады определены «Основами политики в отношении Арктики и Севера», опубликованными в сентябре 2019 года и рассчитанными на период до 2030 года [40]. Примечательно, что Канада, как и в рассматриваемый ранее период 1990-ых годов, сконцентрирована более на внутреннем развитии Арктической зоны: её экономике, повышении уровня жизни населения, совершенствовании транспортной инфраструктуры, защите окружающей среды.

Так, «Основы политики...» фокусируются на восьми основных задачах, среди которых: коренные народы Арктики и Севера Канады, укрепление инфраструктуры, сильная и устойчивая экономика, развитие науки и образования, арктические и северные экосистемы Канады, основанный на правилах международный порядок в Арктике, безопасность Арктики и севера

Канады, развитие уважительных отношений между коренными и некоренными народами.

Нельзя не упомянуть и активную деятельность по сбору данных, которую Канада проводит с целью доказательства признания своих прав на континентальный шельф, что в дальнейшем позволит осуществлять разработку и добычу природных ресурсов на шельфе. Также проводится и работа в направлении обоснования своего суверенитета над Северо-Западным проходом.

Исходя из «Основ политики...» 2019 года, в международном контексте Канада ставит приоритеты на США и Данию вследствие их территориальной близости. В документе Канада акцентирует внимание на всестороннем развитии сотрудничества с циркумполярными государствами, в том числе и с Россией [40]. Однако нельзя не отметить, что после начала Россией Специальной военной операции в 2022 году риторика канадских властей несколько изменилась.

Так, в июне 2023 г. Постоянный комитет Сената по национальной безопасности опубликовал доклад «Безопасность Арктики под угрозой». Доклад оценивает текущую международную ситуацию и угрозы безопасности Канады в Арктике. Политика России и Китая в регионе названы ключевыми вызовами безопасности Канады. Особо отмечено, что «все арктические государства приостановили большую часть сотрудничества с Россией, но укрепили сотрудничество между собой, в том числе в области безопасности и обороны» [38, с. 5]. Вместе с тем выражено беспокойство в связи с модернизацией Россией военного арсенала в Арктике.

Канада, конечно же, активно выступает за демилитаризацию региона, но параллельно с этим укрепляет свой военный потенциал, подчеркивая первостепенное значение для национальной безопасности страны системы НОРАД (Командование воздушно-космической обороны Северной Америки).

Таким образом, Канада продолжает акцентировать внимание на социально-культурной составляющей Арктического региона, однако, в отличие от документов 1990-ых годов, в последние годы значительный фокус ставится и

на область безопасности. Возобновляется работа системы НОРАД, забытой после окончания Холодной войны, растет количество военных учений и маневров, риторика официальных лиц становится более суровой.

Сфокусируем внимание на действующей арктической стратегии Королевства Дания. Примечательно, что предыдущий документ в области арктической политики государства был рассчитан на период 2011-2020 годов. Вместе с тем новая стратегия до сих пор не была принята. Так, по нашему мнению, задержка в разработке, согласовании и принятии арктической стратегии в первую очередь сигнализирует о неясности и неопределенности текущего арктического курса страны.

Причинами задержки называются пандемия коронавируса и в большей степени сложности в согласовании стратегии с Гренландией и Фарерскими островами, стремящимися установить более равноправный диалог с Королевством. Автономии даже выражали стремление принять свои собственные арктические стратегии, а желание Гренландии обрести независимость давно не является секретом для датского правительства. В конце апреля 2023 года, например, правительство Гренландии спустя семь лет разработок передало парламенту проект конституции будущей независимой Гренландии [11, с. 54]. Это свидетельствует о внутривластной нестабильности, касающейся отношений Королевства с Гренландией и Фарерами. По сравнению с аналогичной ситуацией в 1990-ых годах, следует отметить, что сегодня разногласия между Данией и ее автономиями носят более глубокий характер и требуют комплексного разрешения.

Опасаясь дезинтеграции, Дания по-прежнему, как и в 1990-ых годах, активно занимается вопросами устойчивого социально-экономического развития этих автономий, защиты окружающей среды, а также укрепляет сотрудничество с Фарерскими островами и Гренландией в области внешней политики, политики безопасности и обороны. Так, например, планируется создание контактного комитета на уровне министров для обеспечения тесного диалога Королевства, Гренландии и Фарер по этим вопросам. Встают вопросы

и государственного переустройства – эксперты считают, сложившаяся модель себя изживает и Датское содружество должно быть расформировано и мирно перерасти в тесное сотрудничество между тремя независимыми государствами [11, с. 58].

Вернемся к международному аспекту арктической политики. Из последних принятых Королевством документов Арктический регион упоминался, к примеру, в Стратегии внешней политики и политики безопасности 2023 года. Так, отмечается, что Дания «намерена укреплять оборонные связи с другими Скандинавскими странами, чтобы противостоять российской угрозе в Арктике и защищать критически важную инфраструктуру» [43, с. 6]. В этих целях власти Королевства нацелены увеличить военные расходы страны до 2% ВВП. Вместе с этим датское правительство «продолжит работать над обеспечением низкой напряжённости и продолжающимся развитием и защитой Арктического региона в тесном сотрудничестве с международными партнёрами». Так, НАТО признано «краеугольным камнем обороны и безопасности Дании» [43, с. 7].

Таким образом, сегодня на первый план в арктической политике Дании, в отличие от 1990-ых годов, выходит не экологическая повестка, а вопрос политической организации государства. Так, ключевой задачей Дании в арктической политике на данный момент является снижение турбулентности в отношениях с Гренландией и Фарерскими островами. Вместе с тем, новым аспектом политики страны в Арктике является вопрос безопасности. Дания поддерживает традиционную для евроатлантических стран риторику о российской и китайской угрозах в Арктике, однако в меньшем объеме, чем, например, Канада или США.

Обратим внимание на Национальную стратегию США для Арктического региона, обновленную в октябре 2022 года. Соединенные Штаты рассматривают Арктику как пространство «мира, стабильности, процветания и сотрудничества», однако подчеркивается возросшая напряженность и

соперничество в регионе, еще более обостренное «российской агрессией в Украине» [48, с. 3].

Национальная стратегия США в Арктике фокусируется на четырех ключевых элементах: безопасность, изменение климата, устойчивое экономическое развитие и международное сотрудничество. Отмечается, что Соединенные Штаты нацелены углублять сотрудничество с партнерами и союзниками, среди которых Канада, Королевство Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция. Вместе с этим подчёркивается «невозможность межгосударственного сотрудничества с Россией в Арктике» [48, с. 9] в настоящих условиях, прогнозируется низкая вероятность возобновления этого сотрудничества в обозримом будущем.

Четко прослеживается примечательный, но не удивительный факт: по сравнению с Директивой 1994 года, направление арктической политики США на тесное сотрудничество с оставшимися семью приарктическими государствами сменилось антиросийской риторикой, появилось неоднократно появляющееся словосочетание «США и союзники». Очевидно, что более о совместных двусторонних проектах США и РФ речи не идет. Таким образом, подобная поляризация стран, нашедшая себе место на мировой арене, коснулась и Арктики.

США также стремятся «поддерживать международное право, правила, нормы и стандарты в Арктике», отмечают, что обозначат «внешние границы континентального шельфа США в соответствии с международной Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву» [48, с. 11], ратификация которой не произошла и на сегодняшний момент.

В Национальной стратегии США в Арктике, в отличие от Директивы, помимо экологических рисков на передний план выходят вопросы безопасности. При администрации Джо Байдена степень угрозы, исходящей от РФ в Арктике, можно оценить как высокую: Россия «модернизирует военные базы и аэродромы; развертывает новые противоракетные системы; увеличивает военные учения и учебные операции» в Арктике. Примечательна и угроза,

исходящая от Китайской Народной Республики в форме ее «экономической, дипломатической, научной и военной экспансии» в регионе [48, с. 7].

В Национальной стратегии 2022 года политика США в Арктике является четко определяемой и более конкретной. Директива 1994 года подчеркивает возможность проведения военных операций в регионе – Стратегия уделяет внимание тому, что «Соединенные Штаты будут совершенствовать и продвигать военное присутствие в Арктике в целях сдерживания», а также будут «продолжать проводить регулярную и последовательную подготовку, учения с союзниками и партнерами, а также самостоятельно» [48, с. 7].

Таким образом, проведя сравнение двух американских документов, посвященных Арктике, можно сделать вывод, что роль Арктического региона в политике США возросла в геометрической прогрессии и, как это описывается в Национальной стратегии 2022 года, Арктика приобрела стратегическую значимость для системы безопасности США.

Рассмотрим арктическую политику Норвегии. Важными документами в этой сфере являются «Арктическая стратегия Норвегии – между геополитикой и социальным развитием» 2017 года [49] и «Арктическая политика правительства Норвегии – люди, возможности и интересы Норвегии в Арктике» 2021 года [53].

Отмечаются ключевые области деятельности Норвегии в Арктике: среди них международное сотрудничество, развитие бизнеса, лидерство в области научных исследований, развитие инфраструктуры, защита окружающей среды и безопасность морского судоходства. Так, исходя из упомянутых доктрин, для Норвегии развитие Арктического региона сегодня является первостепенной задачей, поскольку эта зона является основным источником доходов страны. Нефтегазовый сектор, например, составляет около 18% от ВВП Норвегии, не говоря о важности рыболовного сектора в экономике страны [8, с. 24]. Вместе с этим правительство нацелено на достижение устойчивого и инновационного развития региона во избежание глобальной зависимости от экспорта углеводородов.

Обратимся к международному спектру обоих документов. В Стратегии 2017 года подчеркивается следующее: «Несмотря на нарушения Россией международного права в Украине и ответ Норвегии на них, жизненно важно, чтобы Норвегия и Россия совместно решали ключевые проблемы на Севере. Наши отношения с Россией останутся постоянными и важным элементом политики Норвегии в отношении Арктики» [49, с. 18]. Так, в тот период антироссийская риторика Норвегии была значительно мягче в отличие от других западных стран. Также отмечалось военное строительство России в Арктике, но власти Норвегии отмечали, что такая деятельность не направлена против их страны.

Документ 2021 года хоть и посвящает отношениям с Россией несколько абзацев (уже с пометкой, что военная деятельность РФ несет прямую угрозу безопасности Норвегии), но на передний план все же выходит сотрудничество Норвегии с НАТО и США. Арктическая политика 2021 года ставит фокус на том, что членство в НАТО является краеугольным камнем политики Норвегии в области безопасности, а США признается ближайшим союзником страны. Так, наращивание военного присутствия союзниками «приветствуется Королевством» [53, с. 5]. Уделяется внимание и Северному оборонному сотрудничеству (НОРДЕФКО).

Так, можно сделать вывод, что норвежско-российское сотрудничество было традиционным для данного региона и играло важную роль в политике Норвегии и в развитии северных регионов России до обострения отношений по линии Россия-Запад, начиная с 2021 года, и особенно после событий февраля 2022 года. Сегодня Норвегия приостановила большую часть двусторонних проектов с Россией и в самом деле становится одним из самых милитаризованных районов севера.

Рассмотрим арктическую политику Швеции. Сегодня она фокусируется на шести ключевых областях: международное сотрудничество, безопасность и стабильность, климат и окружающая среда, полярные исследования, устойчивое экономическое развитие, обеспечение хороших условий жизни.

Несмотря на мнение некоторых экспертов о незаинтересованности государства в арктических делах ввиду отсутствия выхода к Северному Ледовитому океану, а также невзирая на многочисленные скандалы, связанные с оспариванием статуса Швеции, Финляндии и Исландии как арктических держав, «Стратегия Швеции для Арктического региона» 2021 года заявляет: «Швеция - арктическая страна. У нас есть особый интерес и ответственность за содействие мирному, устойчивому развитию Арктики» [51, с. 4].

Кроме того, последняя стратегия Швеции подчеркивает важность международного сотрудничества в Арктике для решения проблем, стоящих перед регионом: «Люди, мир и климат находятся в центре политики Швеции в отношении Арктики» [51, с. 6]. Примечательно, что особо отмечается сотрудничество с внерегиональными игроками – в первую очередь, конечно, с Европейским союзом, членом которого Швеция является. Отмечается, что продолжается сотрудничество с Россией, несмотря на «нарушения международного права». Особое внимание уделяется стратегическому сотрудничеству с США и Канадой. В качестве угроз безопасности отмечается «риск гонки вооружений и иных инцидентов» в Арктике, а также военное сотрудничество России и Китая.

Правительство северной страны крайне озабочено вопросом изменения климата в этом регионе. В качестве достаточно продвинутой в экологическом плане страны, Швеция берет на себя обязательство стать лидером «в имплементации Парижского соглашения 2015 года по ограничению глобального потепления, в том числе в Арктике» [51, с. 14] и внести вклад в сохранение арктического льда и вечной мерзлоты. Безусловно, Швеция продолжает поддерживать высокий уровень научно-исследовательских проектов, как и в 1990-ых годах.

Таким образом, арктическая политика Швеции на текущем этапе приобрела разнообразные направления деятельности, помимо научной линии, как это было в 1990-ых годах. Особое внимание Швеция уделяет вопросам экологической безопасности региона.

Обратимся к арктической политике Финляндии на современном этапе. Она отражена в Арктической стратегии страны от 2021 года и рассчитана на период до 2030 года [42]. Правительство Финляндии выделяет четыре приоритетных направления своей политики в Арктике: это адаптация к изменению климата и смягчение его последствий, защита коренных малочисленных народов, наука и образование и развитие инфраструктуры.

Согласно Стратегии, ключевой целью Финляндии в регионе является поддержание мира и безопасности посредством международного сотрудничества через такие институты, как Арктический совет и Совет Баренцева/Евроарктического региона. Обращается внимание на достижение Целей устойчивого развития ООН в регионе. Таким образом, Финляндия продолжает интенсивно работать в экологическом направлении [42, с. 15]. По-прежнему, как и в 1990-ых годах, активное сотрудничество в регионе Финляндия осуществляет через Европейский союз в связи с тем, что экономическая деятельность в ЕС и его климатическая политика оказывают значительное влияние на Арктический регион.

До 2022 года уделялось внимание и сотрудничеству с Россией как с ключевым приграничным государством Финляндии в Арктике. Среди сфер взаимодействия стран как в рамках Арктического совета, так и на двусторонней основе, особо выделялось лесное хозяйство, безуглеродная энергетика, управление отходами, новые технологии в строительстве, производство ледоколов [42, с. 22]. По культурной линии развивались контакты между саамскими общинами двух стран. Однако на данном этапе все же невозможно оценить, в каком объеме сохранилось сотрудничество на том или ином направлении. Все же сегодня Хельсинки переориентируют взаимодействие в Арктике с традиционной повестки на решение вопросов по обеспечению военно-политических интересов своей страны [3, с. 23].

Так, Финляндия исторически уделяет значительное внимание вопросам экологии и коренных народов Севера. Также в приоритете страны по-прежнему

находятся вопросы тесного сотрудничества с Европейским союзом. Стратегия отражает современное положение дел и отмечает риски и вызовы региона.

Исландия – единственное государство «восьмерки», территория которого, по мнению страны, полностью лежит в Арктической зоне. Несмотря на наличие в Северном Ледовитом океане небольших исландских островов, страна не имеет выхода к этому океану и, следовательно, не входит в «арктическую пятерку», политика которой в большей степени влияет на развитие региона. В своей современной арктической политике Исландия выражает недовольство относительно этих фактов и стремится обрести влияние на некоторые решения, называя себя «прибрежным государством Северного Ледовитого океана» и расширяя общее понятие Арктической зоны.

Иные положения Исландии относительно политики в Арктическом регионе закреплены в «Политике Исландии по вопросам, касающимся Арктического региона» 2021 года. Так, в документе отмечается, что «Арктические дела являются главным приоритетом внешней политики Исландии» [45, с. 5].

Как государство, 40% экспорта которого приходится на рыбный промысел, Исландия уделяет значительное внимание торговле. Примечательно, что в вопросах сотрудничества в этой области, а также в направлении образования и услуг в регионе Исландия ставит фокус в первую очередь на ближайших соседей – Гренландию и Фарерские острова. Планируется также значительное расширение сотрудничества в областях, отвечающих взаимным интересам этих стран.

В вопросах военной безопасности приоритетом для Исландии является союз с ближайшими соседями и с НАТО. При этом правительство северной страны стремится «противостоять милитаризации региона и поддерживать мир и стабильность» в Арктике [45, с. 8]. Удивительным фактом является осторожная риторика в адрес России: относительно увеличения ее военного присутствия в Арктике отмечается, что «у России есть законные права на обеспечение безопасности и обороны в Арктике, учитывая происходящие там

изменения», но подчеркивается, что степень наращивания военного потенциала выше, чем того требует ситуация.

В период своего председательства в Арктическом совете в 2019-2021 годах приоритетное внимание Исландия уделяла социально-экономическим вопросам в направлении 17 целей устойчивого развития ООН. Так, например, проблемы экологии и природопользования оказались центральными в тексте Рейкьявической декларации 2021 года [50], подписанной членами организации по итогам председательства Исландии.

Так, по сравнению с политикой Исландии 1990-ых годов можно констатировать, что положение дел в стране относительно данного региона на сегодняшний момент является весьма динамичным: Арктика признана приоритетным направлением политики государства, в фокусе правительства находятся различные направления политики – от обороны страны до устойчивого развития региона, – а также интенсифицировались связи как с соседями, так и с внеарктическими игроками.

Таким образом, изменения международной конъюнктуры напрямую сказались и на Арктическом регионе. Несмотря на опасения многих государств, Арктика уже официально вступила в эру стратегической конкуренции. Стратегия каждого государства особо выделяет угрозы и вызовы региона, требующие увеличения военного присутствия в Арктике. Так, примечательной является логически несообразная сочетаемость повышения каждой рассматриваемой приарктической страной расходов на оборону с намерением вернуть Арктике облик мира и сотрудничества.

Кроме того, сегодня семь из восьми арктических государств являются членами НАТО – это ярко свидетельствует о четкой поляризации стран в Арктике и, соответственно, их интересов и задач. Вместе с тем отметим активизацию территориальных споров в регионе по сравнению с 1990-ыми годами, что также свидетельствует о повышении значения Арктического региона в национальных повестках стран.

2 Споры и конфликты в Арктическом регионе

2.1 Споры территориального характера в Арктическом регионе

В данном подразделе мы рассмотрим многочисленные территориальные споры региона, которые, конечно, не находятся в своей острой фазе и с наименьшей вероятностью могут стать поводом развертывания большой войны в арктических водах, однако все же требуют пристального внимания, поскольку наличие территориальных разногласий в регионе вносит негативный вклад в его стабильность и в небольшой степени препятствует устойчивому сотрудничеству.

Считаем, что наиболее спорным является вопрос принадлежности богатого углеводородами арктического континентального шельфа, на который претендуют Россия, Дания и Канада [10, с. 112]. В этом контексте стоит упомянуть резонансное установление российского флага на дне хребта Ломоносова, вызвавшее бурную негативную реакцию стран Арктического совета, а также западных лидеров в 2007 году. В августе 2015 года Российская Федерация подала заявку в ООН на расширение границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане: в планы входило присоединение хребта Гаккеля, котловины Подводников, поднятия Менделеева и зоны Северного полюса, которая, однако, согласно международному праву, не может принадлежать ни одному государству. Вместе с тем присоединение данных территорий могло бы позволить России увеличить запасы углеводородов на 5 млрд тонн. В то же время Дания отмечает, что континентальный шельф является продолжением шельфа Гренландии, а Канада утверждает, что эта территория является началом Американского континента. При этом и Дания, и Канада активно заняты бурением глубоководных скважин и составлением карт своих арктических секторов, а Россия инициирует комплексные экспедиционные работы «Арктика-2020» с целью получения более полной информации для обоснования своих притязаний.

Таким образом, проблема данного спора будет стоять в повестке достаточно продолжительное время до соответствующего решения Комиссии ООН. Вместе с тем позитивно оценивается само решение государств относительно урегулирования данного спора правовыми методами без применения принудительной дипломатии, однако ситуация осложнена отсутствием официального прямого диалога между странами по этому вопросу.

Отмечается и вопрос разграничения исключительных экономических зон государств в Арктике, выделяется при этом спор России и США в Беринговом море. Примечательно, что спорные морские участки богаты не только полезными ископаемыми, но и рыбными ресурсами. По этой причине к концу 1980-ых годов сторонами были предприняты попытки урегулирования, в соответствии с которыми СССР уступил США 70% Берингова моря несмотря на предложения советской стороны поделить зоны по средней линии. Таким образом, данный проект соглашения был принят в 1990 году и неофициально назван линией разграничения Бейкера-Шеварднадзе – сторон, подписавших договор [17, с. 68]. Отметим, что подобное разграничение не отвечает интересам российской стороны, поскольку в некоторых зонах исключительная экономическая зона США превысила 200 морских миль, что не соответствует Конвенции 1982 года, поэтому российским парламентом соглашение ратифицировано не было и на сегодняшний день. Аналогичные несогласованные границы относительно линий раздела исключительных экономических зон имеются также у Канады и США (море Бофорта), Канады и Дании (море Линкольна, пролив Дэвиса), Дании и Исландии (пролив Фрама). Выделяется и вопрос границы исключительной экономической зоны вокруг архипелага Шпицберген. При этом, конечно, предпосылок для урегулирования упомянутых споров в текущих геополитических условиях не предвидится.

Вместе с тем примечательным является пример мирного разрешения территориального спора Дании и Канады относительно необитаемого острова Ханса вследствие неопределенности границ в этом регионе. С 1984 года на острове велась «война виски»: раз в несколько месяцев на острове поочередно

высаживался канадский и датский десант, моряки спускали установленный флаг, поднимали свой и распивали спиртные напитки, которые противоборствующая сторона оставляла на острове в качестве подарка. В 2019 году страны поставили цель разрешения этого вопроса и, в соответствии с соглашением от июля 2022 года, остров был поделен по естественному оврагу: Дании досталось примерно 60% восточной части острова, а Канаде – 40 % западной части [39].

Нельзя не упомянуть и урегулирование российско-норвежского спора о разграничении морских пространств Баренцева моря. Разногласия двух стран продолжались около 40 лет, пока в соответствии с компромиссным соглашением от сентября 2010 года Россия не передала Норвегии спорную часть участка шельфа Баренцева моря, который впоследствии оказался богат углеводородами [31]. Также договор заложил основы углубления пограничного сотрудничества двух стран.

Более того, в первой главе работы уже отмечалось решение Международного суда ООН об урегулировании спора Норвегии и Дании относительно рыболовной зоны вокруг острова Ян-Майен в 1990-ых.

Таким образом, можно подытожить, что территориальные претензии и споры в Арктике являются прямым следствием растущей конкуренции между странами за контроль над природными ресурсами региона. Пример с островом Ханса и российско-норвежским спором четко продемонстрировал, что ситуации не являются тупиковыми и требуют лишь усилий государств по разрешению спорных вопросов. Вместе с тем на сегодняшний момент не зафиксировано четких предпосылок для урегулирования этих споров, к тому же ситуация осложнена общей напряженностью в мировой политике.

Нельзя не отметить и вопросы правового статуса основных морских путей региона, поскольку на сегодняшний момент таяние морских льдов позволяет использовать ранее недоступные альтернативные маршруты. В связи с этим одним из ключевых предметов спора России и США в Арктике является статус Северного морского пути.

Ранее отмечалось, что «Стратегия развития Арктической зоны РФ» рассматривает Северный морской путь в качестве национальной транспортной артерии страны. Согласно 55 статье Конвенции по морскому праву 1982 года, Северный морской путь находится в исключительной экономической зоне Российской Федерации [16, с. 54], однако существуют некоторые нюансы. Так, СМП не является конкретным маршрутом, а представляет собой множество вариаций проходов через проливы в зависимости от ледовой обстановки. Таким образом, командир судна может принять решение следовать иным, более безопасным маршрутом. В таком случае судно с небольшой вероятностью, но все же может выйти за рамки двухсотмильной исключительной экономической зоны РФ, что может повлечь за собой некие юридические последствия.

Соединенные Штаты при этом считают некоторые российские проливы международными, опираясь на статьи 37 и 38 Конвенции 1982 года, определяющие понятие права транзитного прохода. Так, транзитный проход относится «к проливам, используемым для международного судоходства между одной частью открытого моря или исключительной экономической зоны и другой частью открытого моря или исключительной экономической зоны» и означает «осуществление свободы судоходства и полета единственно с целью непрерывного и быстрого транзита через пролив» [16, с. 44]. Таким образом, очевидно, что эта норма относится и к проливам Карские ворота, Лаптева и Санникова в российской исключительной экономической зоне.

Применение нормы транзитного прохода к российским проливам несет в себе ряд рисков. Например, правом прохода могут воспользоваться военные корабли и подобные летательные аппараты, а подводные лодки могут свободно проходить через международные проливы погружёнными в воду. Также в соответствии со статьей 44 Конвенции транзитный проход через такие проливы не может быть приостановлен прибрежным государством для каких-либо целей [16, с. 44].

Вместе с тем существует ряд нюансов. Например, прибрежное государство может доказать, что его суверенитет над этими проливами был

признан другими странами. Так, примечательно, что ни одна другая страна не поддержала возражения США по поводу российского суверенитета над СМП. Кроме того, возникает вопрос относительно того, каким образом государство, не ратифицировавшее Конвенцию по морскому праву, может требовать исполнения ее норм, поскольку право транзитного прохода было введено лишь со вступлением в силу данного документа в 1982 году и не имеет достаточной практической базы его для отнесения к обычному праву. Очевидно и то, что Северный морской путь не является чрезвычайно востребованной международной артерией. Так, например, отмечается, что в 2022 году через СМП прошло около 970 судов, большая часть из них приходится на российские компании [26, с. 52]. По этой причине спор относительно статуса проливов и самого пути не обладает первостепенным значением в международном морском праве и на фоне иных проявлений колебания международной конъюнктуры проблема Северного морского пути кажется значительно преувеличенной.

Таким образом, считаем, что в настоящее время спор носит теоретический характер и не имеет каких-либо практических последствий. Естественным образом спор относительно статуса СМП способствует напряженности в регионе, при этом ни одна из сторон не стремится решить его, например, через Международный суд ООН.

Аналогичным является и многолетний спор Канады и США относительно правового статуса Северо-Западного прохода между проливом Дэвиса, заливом Баффина и морем Бофорта.

Так, Канада утверждает, что Северо-Западный проход является частью её исторических внутренних вод, что означает полный контроль страны над судоходными путями. Как и в случае с СМП, Соединённые Штаты считают эти арктические воды международными, ссылаясь на те же нормы Конвенции ООН [36, с. 33]. Данный спор длится почти 50 лет, однако в 1988 году две страны подписали соглашение о сотрудничестве в Арктике [37]. В соответствии с документом страны пришли к согласию, что судоходство ледоколов Соединённых Штатов во внутренних водах Канады будет осуществляться с

согласия последней. Однако примечательно, что соглашение касается лишь ледокольного флота и не затрагивает коммерческие и тем более военные судна.

Таким образом, спор о правовом статусе Северо-Западного пути является незначительным, но все же камнем преткновения в отношениях двух стран. Вместе с тем данный аспект не оказывает существенного влияния на иные направления сотрудничества США и Канады. Также считаем, что Канада и Россия в описанных спорах имеют более прочные позиции, чем США, поскольку по большей части как Северный морской путь, так и Северо-Западный проход используются исключительно в национальных интересах двух государств и не отличаются популярностью в поле международных коммерческих перевозок.

2.2 Политические и военно-политические аспекты международных отношений в Арктике

Несмотря на острую необходимость в тесной кооперации государств в Арктике правительства допускают возможность развязывания в регионе политических разногласий, имея для того собственные цели и мотивы. Так, в данном подразделе мы рассмотрим политический и военно-политический спектр противостояния государств в Арктике на современном этапе.

Вполне справедливым является предположение о том, что острое противостояние в Арктике в большей степени приходится на линию Россия-Запад, однако нельзя не отметить напряженность, касающуюся термина «арктическая страна» и права на участие в арктических делах. Так, в 2008 году «арктическая пятерка» - страны, имеющие выход к Северному Ледовитому океану - по итогам министерской встречи в гренландском городе приняли Илулиссатскую декларацию. Согласно тексту документа, пять прибрежных государств «в силу своих суверенных прав и юрисдикции в обширных районах Северного Ледовитого океана находятся в уникальном положении» для решения экологических проблем этого региона [52]. Подчеркивается, что с этой

целью государства «предпримут шаги как на национальном уровне, так и в сотрудничестве между пятью приарктическими странами и иными заинтересованными сторонами» [52].

Несмотря на то, что Илулиссатская декларация касается экологической повестки региона и поощряет тесное сотрудничество в этом вопросе, документ продемонстрировал четкую поляризацию стран в Арктике, поставил под вопрос эффективность Арктического совета и вызвал резкую реакцию правительств Швеции, Финляндии и Исландии, а также представителей коренных народов, не упомянутых в документе в качестве полноценных участников арктической повестки. В международном сообществе также оспаривается суверенное право «арктической пятерки» определять общие границы в Арктике.

Более того, вторая министерская встреча «арктической пятерки» прошла в пригороде Оттавы в 2010 году [22]. Канадское правительство вновь отказалось приглашать Швецию, Финляндию и Исландию на переговоры по развитию Арктики, чем вызвало дополнительную напряженность в регионе.

Так, отчетливо прослеживается, что министерские встречи «арктической пятерки» являлись иной неформальной структурой взаимодействия в регионе, но вместе с тем создавали значительные опасения для стран, не имеющих прямого выхода к океану. С момента ослабления международного сотрудничества в Арктике в 2014 году и на сегодняшний момент, конечно, данный формат сошел на нет. На фоне «российской угрозы» взаимодействие государств-членов НАТО в регионе только укрепилось и незначительные трения относительно термина «арктическое государство» приходится отложить.

Теперь обратимся к вопросам российско-западного политического противостояния в Арктике. Так, например, в рамках эскалации напряженности к 2024 году в российский список недружественных стран, утвержденный в 2021 году, вошла вся «арктическая семерка» [24]. Примечательно, что по отношению к этим государствам действуют особые ограничения дипломатического или экономического характера, однако очевиден тот факт, что внесение того или иного государства в данный перечень носит скорее демонстративный и

политический характер. Естественным образом такая мера как фиксирует и отражает глобальные изменения в мировой и региональной системе международных отношений, так и усугубляет возникший кризис.

Несомненно, в данном направлении нельзя не упомянуть изменения в функционировании Арктического совета.

Ранее уже отмечалось, что Арктический совет с момента своего создания в 1996 году играет ключевую роль в регионе, в рамках его деятельности осуществляется взаимодействие восьми приарктических государств. В соответствии с Оттавской декларацией, направлениями сотрудничества государств являются вопросы защиты арктической окружающей среды, устойчивое развитие региона, предупреждение и реагирование на чрезвычайные ситуации [6]. В ранее рассматриваемых стратегиях государства-члены Арктического совета также подтвердили его фундаментальное значение для сотрудничества в регионе.

Однако сегодня стабильная деятельность Совета нарушена и две трети его проектов заморожены вследствие заявления семи приарктических государств от 3 марта 2022 года о приостановке своего участия в заседаниях Совета и его вспомогательных органов в связи с председательством России.

Необходимо отметить, что текущая ситуация является беспрецедентной для Арктического совета. Так, например, в мае 2023 года впервые за 25 лет существования Форума церемония передачи председательства от России к Норвегии прошла в виртуальном режиме, что было недопустимо даже в период острой фазы пандемии коронавируса. Церемония отличалась достаточно низким уровнем, отсутствовали делегации семи стран-членов Совета по причине отказа их официальных лиц от посещения России. Глава МИД РФ Сергей Лавров назвал этот шаг «политизированным и контрпродуктивным, ведущим к размыванию коллективных подходов к ответственному управлению Арктикой».

Вместе с тем в феврале 2024 года Россия прекратила ежегодные взносы в бюджет Арктического совета «до возобновления практической работы в

данном формате с участием всех стран-членов». Примечательно, что посол по особым поручениям МИДа, старшее должностное лицо Арктического совета от РФ Николай Корчунов не исключил и выход России из организации, если она «перестанет отвечать национальным интересам» [20].

При этом стоит вновь упомянуть Национальную стратегию США для Арктического региона. В ней отмечается, что политика Российской Федерации «сделала сотрудничество с Россией в Арктике в настоящее время практически невозможным». Также подчеркивается, что «при определенных условиях возможно возобновление сотрудничества в предстоящее десятилетие», а в данный момент США готовы работать с союзниками для поддержания эффективности Совета [48, с. 9]. Подобная обстановка свидетельствует о попытках установления нового режима функционирования Арктического совета без участия России.

Предлагаемая Соединенными Штатами стратегия, по нашему мнению, действительно является контрпродуктивной, поскольку отказ от многостороннего сотрудничества с государством, обладающим самой большой Арктической зоной, необратимо повлияет на сохранность арктических экосистем. Отсутствие общей сбалансированной политики в области экологии окажет воздействие не только на климат региона, но и всей планеты. По этой причине исключение Российской Федерации из механизмов сотрудничества в Арктике является недопустимым фактором в сложившейся ситуации.

Очевидно, что сотрудничество внутри организации не сможет вернуться к показателям до 2022 года как минимум в ближайшее десятилетие, однако на сегодня ключевой задачей председательства Норвегии в 2023-2025 годах является возобновление работы Совета в полноценном формате – об этом заявил Председатель комитета старших должностных лиц Арктического совета Мортен Хёглунд в своем интервью [35]. Отмечается, что Норвегия действительно прилагает усилия для возобновления работы Совета в полном формате, но сталкивается с сопротивлением других стран-участниц. Вместе с тем частично восстановилась активность в некоторых рабочих группах Совета,

а также зафиксировано проведение отдельных встреч – в основном среди представителей коренных народов.

Таким образом, очевидно, что на сегодняшний день перспективы дальнейшего сотрудничества в регионе в рамках Арктического совета продолжают быть неопределенными.

Помимо изменений в деятельности Арктического совета как одной из основополагающих платформ региона стоит подчеркнуть и выход Российской Федерации из иных структур сотрудничества.

В мае 2022 года Российская Федерация покинула Совет государств Балтийского моря (СГБМ), который занимался вопросами устойчивого развития и безопасности в регионе, исследованиями и инновациями. В заявлении МИД РФ от 17 мая 2022 года отмечается, что структура организации деградировала в связи с тем, что западные государства отказались «от равноправного диалога и принципов, на которых создавалась эта региональная структура на Балтике, и последовательно превращают ее в инструмент антироссийской политики» [12]. Так, например, после начала Специальной военной операции Россия была отстранена от работы и проектов СГБМ.

Аналогичная ситуация коснулась и Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). В официальном заявлении МИД РФ от 18 сентября 2023 года о выходе России из организации подчеркивается, что «по вине западных участников совета его деятельность с марта 2022 года фактически парализована» [13]. Поворотным моментом стал отказ Финляндии передать России председательство в СБЕР в октябре 2023 года в нарушение принципа ротации.

Таким образом, становится очевидно, что сегодня ситуация является беспрецедентной. Межгосударственный диалог в регионе находится на самом низком уровне. Государства сознательно разрушают создаваемый десятилетиями институциональный ландшафт региона, ставят под угрозу стабильность Арктики, а также дискредитируют многолетнее сотрудничество в рамках упомянутых структур.

В свете чрезвычайно хрупкой международной конъюнктуры и активно трансформирующегося мирового порядка перемены касаются и расстановок сил в различных регионах мира. Так, нельзя отрицать, что ключевые вопросы геополитического спектра в Арктике относятся к противостоянию по линии Россия – НАТО.

С момента провозглашения НАТО 4 апреля 1949 года в организации состояли пять из восьми приарктических государств - США, Канада, Исландия, Дания и Норвегия. Финляндия и Швеция, также являющиеся приарктическими государствами, официально придерживались позиции нейтралитета в международных отношениях: так, нейтралитет Финляндии оформился после Второй мировой войны, а нейтральный статус Швеции сформировался еще в начале 19 века [25, с. 118].

Изменения в международной расстановке сил в конце 20-го века вызвали серьезный поворот нейтральных Швеции и Финляндии на запад: эти страны значительно расширили свое взаимодействие с альянсом. Например, в 1990-е годы Швеция и Финляндия перевели свои национальные вооруженные силы на стандарты НАТО, в 1994 году они стали участниками программы "Партнерство ради мира", а в 1997 году – членами Совета евроатлантического. В 2008 году Финляндия, а в 2013 году Швеция присоединились к Силам быстрого реагирования НАТО [1].

Украинские события 2014 года вызвали новую нестабильность в регионе. Обе страны подписали с альянсом соглашения, в соответствии с которыми НАТО получило право перебрасывать свои контингенты на их территории и проводить там учения. Однако нельзя не отметить, что при этом общественное мнение и политические объединения стран все еще придерживались линии на неприсоединение к альянсу. Так, например, в официальных документах и высказываниях высокопоставленных лиц Швеции и Финляндии НАТО упоминалось наравне с ЕС и ООН - таким образом две страны выражали комплексный подход к разрешению конфликта и официально подчеркивали свой нейтралитет в международных делах.

Ситуация кардинально изменилась с началом Специальной военной операции РФ, в связи с которой в политических кругах начали звучать тезисы о возникновении «российской угрозы», а общественное мнение поддержало вступление в альянс. Таким образом, обстановка в Арктике накалилась под угрозой северо-восточного расширения НАТО. 18 мая 2022 года Финляндия и Швеция официально подали заявку на вступление в альянс. Несмотря на обещания высокопоставленных чиновников альянса об ускоренной процедуре вступления стран в организацию, процесс значительно затянулся. Только 4 апреля 2023 года Финляндия стала 31-ым членом НАТО, а 8 марта 2024 года к ней присоединилась и Швеция [1]. Таким образом, эпоха нейтралитета двух стран подошла к концу.

С присоединением Финляндии к НАТО сухопутная граница между Россией и Альянсом практически удвоилась – к 1215 километрам сухопутной границы России с Норвегией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей (через Калининградскую область) прибавилось более 1270 километров границы с Финляндией [7]. Членство Швеции позволило альянсу окружить практически все Балтийское море, являющееся важным маршрутом торговли нефтью для России и местом базирования одного из российских флотов. Теперь западные высокопоставленные лица фактически интерпретируют Балтику в качестве «озера НАТО» [14].

Нельзя не отметить, что приобретение в лице Финляндии и Швеции является крупнейшим для НАТО за последние 10 лет – очевидно, что западные страны планомерно, на протяжении нескольких десятилетий привлекали эти нейтральные государства к близкому взаимодействию. Таким образом, к альянсу присоединяются не только географически приближенные к России страны, но и государства с крепкой оборонной промышленностью и квалифицированными вооруженными силами [18, с. 70]. Так, 6 марта 2024 года американские бомбардировщики в сопровождении шведских истребителей пролетели над Стокгольмом, что символично подвело черту над нейтралитетом государства.

Примечателен следующий парадокс: вместе с отмеченным ранее активным наращиванием присутствия в регионе у членов НАТО все ещё нет единого и полноценного представления о том, какой должна быть арктическая роль Североатлантического альянса. В этом направлении политики организации существует значительное упущение.

Однако считаем, что само расширение НАТО за счет таких государств, как Швеция и Финляндия, не создает как таковой угрозы для безопасности РФ. Критика российскими официальными лицами расширения альянса на восток сосредотачивалась именно на странах постсоветского пространства – не секрет, что Российская Федерация небезосновательно имеет намерение на установление более близкой кооперации и даже интеграции с этими государствами. Кроме того, менталитет Швеции и Финляндии никогда не был близок России – эти страны большую часть своей истории развивались в западном направлении. Таким образом, присоединение двух этих стран к альянсу стало не неожиданностью, а закономерным и логическим завершением процесса углубления сотрудничества, начавшегося еще в 1990-ые годы. При этом тревогу в российских правящих кругах вызывает высокая вероятность размещения того или иного оружия НАТО непосредственно у границ Российской Федерации. Президент России Владимир Путин неоднократно отмечал, что «расширение военной инфраструктуры на эту территорию, безусловно, вызовет нашу ответную реакцию» [30].

Таким образом, со вступлением Швеции и Финляндии в НАТО была разрушена существовавшая с начала Холодной войны система «северного баланса» [9, с. 56], предполагавшая существование Северной Европы в статусе стабильной буферной зоны за счет нейтралитета упомянутых государств, тесных связей Финляндии и России, а также отказа Исландии, Норвегии и Дании от непосредственного размещения иностранных вооруженных сил на своей территории. Сегодня ситуация естественным образом свидетельствует об обратном. Более того, расширение альянса также повышает градус

напряженности в Арктике и снижает возможности скорого возобновления плодотворного сотрудничества в регионе.

Отдельно свое присутствие в Северной Европе увеличивает и США, примером чего служат многочисленные соглашения. Так, в 2020 году норвежские власти подписали соглашение о допуске американских подводок в норвежские порты, а за последние 10 лет количество подводных лодок НАТО, входящих в порты страны, в целом фактически удвоилось [5, с. 140]. Американо-норвежское соглашение 2021 года допускало США на военные объекты Королевства. В соответствии с аналогичным американо-шведским соглашением того же года США получили доступ к 17 шведским военным базам, а также к аэродромам и полигонам. Стоит отметить и соглашение Соединенных Штатов с Данией, подписанное в конце 2023 года – в соответствии с ним американские военные и оборудование смогут беспрепятственно находиться на территории Королевства. Согласно американо-финскому договору 2023 года, США получили доступ военно-морским объектам страны [27]. Таким образом, многократное расширение присутствия Соединенных Штатов в европейской части Арктики не может не вызвать беспокойства относительно безопасности региона.

Помимо вступления Швеции и Финляндии, активизация арктического вектора политики НАТО и расширение присутствия альянса в регионе отчетливо прослеживается уже с 2022 года. Например, в августе 2022 года Генеральный секретарь НАТО впервые посетил Арктическую зону Канады и подчеркнул, что Север стратегически важен для безопасности Евро-Атлантического региона. Существует мнение, что Североатлантический альянс в целом рассматривает Канаду в качестве ключевого игрока для укрепления своей обороноспособности в Арктике и на Севере. В центре внимания, конечно, находится вопрос о модернизации американо-канадской оборонной системы НОРАД.

Система НОРАД была создана в 1958 году двусторонним соглашением США и Канады с целью противодействия советской угрозе. После окончания

Холодной войны в связи с низкой востребованностью большая часть инфраструктуры была заброшена. Однако показательной является двусторонняя встреча президента США Джо Байдена с премьер-министром Канады Джастином Трюдо в 2021 году, во время которой глава американского государства потребовал увеличения Канадой расходов на оборону с целью модернизации системы НОРАД. В ответ Канада сообщила о выделении 3,5 миллиардов долларов на развитие системы в ближайшие шесть лет [47].

Двусторонние американо-канадские отношения отличаются и высоким спектром регулярных учений и маневров. Последние из учений двух стран на Севере датируются концом февраля (маневры на Аляске), началом марта (маневры «Нанук-Нуналивут») и серединой марта (учения «Noble Defender» под эгидой системы НОРАД) 2022 года [5, с. 138].

В рамках НАТО на период с 22 января по 31 мая 2024 намечены крупнейшие с момента окончания Холодной войны учения Steadfast Defender 2024, в том числе включающие в себя маневры союзников Nordic Response 2024 у границ Норвегии, Швеции и Финляндии, а также маневры немецкой армии Quadriga 2024, северное направление которых включает действия в Норвегии. Общее количество военнослужащих, принимающих участие в учениях, оценивается в 90 тысяч человек [2, с. 763]. Таким образом, нельзя не отметить чрезвычайную стоимость проведения учений в арктических условиях, а также возрастающие риски возникновения внештатных ситуаций, влекущих за собой загрязнение Арктической зоны.

Стоит отметить и единство североевропейских сил в военной сфере. В этом контексте нельзя не упомянуть Северное оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО), созданное в 2009 году Финляндией, Исландией, Швецией, Норвегией и Данией. В Меморандуме о взаимопонимании пяти стран отмечается, что цель данной структуры, включающей в себя также несколько иных оборонных форматов, заключается в укреплении национальной обороны и в содействии принятию общих эффективных решений [46]. В региональной архитектуре данный механизм является вспомогательным звеном, так как для

конкуренции с НАТО НОРДЕФКО не имеет ни возможности, ни цели. Примечательно, что в рамках Северного оборонного сотрудничества, начиная с 2013 года, проходят учения Arctic Challenge – последние и шестые по счету маневры состоялись на территории Финляндии, Швеции и Норвегии в мае 2023 года [4, с. 50].

В дополнение к формату НОРДЕФКО, в марте 2023 года командующие ВВС четырех североевропейских стран – Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции – подписали соглашение о намерениях сотрудничать в области воздушной обороны. Вероятно, проект будет представлять собой североевропейский аналог системы НОРАД [32]. Отмечается, что документ был подписан на авиабазе Рамштайн в Германии в присутствии главы ВВС НАТО. Ключевая идея соглашения заключается в том, чтобы парк ВВС четырех стран, располагающих 250 боевыми самолетами, действовал синхронно и единогласно в случае опасности. Представитель Норвегии при этом подчеркнул, что ввиду близости к России странам «важно создать совместный потенциал, который Россия будет принимать в своих расчетах во внимание» [34].

Нельзя не отметить и резонансное решение Вашингтона от 2018 года о воссоздании своего Второго флота ВМС, расформированного семью годами ранее, с целью противостояния российским подводным лодкам на восточном побережье страны и в северной части Атлантики [44]. В годы Холодной войны Второй флот был ответственен за сдерживание советского флота в Атлантике. Таким образом, сегодня такое решение сигнализирует о возрождении атмосферы Холодной войны в отношениях двух стран и демонстрирует стремление США обеспечить устойчивое присутствие в регионе.

Таким образом, увеличение военного присутствия и модернизация сил НАТО и, в частности, США в Арктике, многочисленные соглашения в военной и оборонной области, крупные и частые военные учения и маневры свидетельствуют о значительном повышении градуса напряженности в регионе в последние годы. Распад системы контроля над вооружениями и, как следствие, активная милитаризация, объясняемая сторонами зеркальными

мерами, на данный момент ничем не ограничена и, соответственно, неуправляема, что создает дополнительные риски как для экологии региона, так и для его безопасности вследствие непреднамеренных столкновений и потенциальной гонки вооружений в арктических водах.

2.3 Неарктические игроки в регионе. Позиция арктических государств

Не стоит сомневаться в том, что к Арктическому региону проявляют внимание и страны, далекие от него. Для начала обратим внимание на стратегию Китая. Интерес республики к Арктике активизировался с 2000-ых годов, когда Китай основал первую исследовательскую станцию на норвежском острове Шпицберген. В 2013 году Китай получил статус наблюдателя в Арктическом совете, а в 2018 году Китай опубликовал Белую книгу, которая описывает политику и интересы страны в Арктическом регионе. Так, развивать свою деятельность в Арктике Китай планирует в четырех направлениях: усовершенствование транспортных артерий Арктики (в этом ключе нельзя не отметить китайскую инициативу по созданию глобальной транспортной структуры «Один пояс – один путь» и его арктическую составляющую – Полярный шелковый путь), эксплуатация природных ресурсов, развитие рыболовного промысла и арктического туризма. Очевидно, что для достижения всех поставленных целей Китаю необходимо тесно сотрудничать с арктическими государствами, и, прежде всего, с ближайшим союзником – Россией. Таким образом, стоит отметить, что на сегодняшний момент ни одна из неарктических стран не имеет таких широких амбиций в Арктическом регионе, как Китай.

В ключе проникновения новых игроков в Арктический район необходимо рассмотреть и стратегию Европейского Союза, цель которой – стать полноправным партнером в арктических вопросах. В 2016 году Европейский Союз впервые выпустил документ «Комплексная политика ЕС в

Арктике». Так, направления деятельности Европейского Союза затрагивают проблемы сохранения окружающей среды, экономические и инвестиционные проекты, свободу судоходства, а также развитие международного сотрудничества в регионе [15, с. 79]. В 2021 году Европейская комиссия представила Совместное коммюнике о наращивании взаимодействия в целях обеспечения устойчивого развития в Арктике. Так, бесспорно, проникновение неарктических государств в регион зачастую проявляется в форме научной дипломатии, а также отдельных проектов (на примере Китая). Активизация арктической политики этих и иных государств не могут не вызывать беспокойства в рядах полноправных членов Арктического совета.

Очевидным образом «арктическая пятерка» выступает за презервацию своих суверенных прав на владение Арктикой, как это было зафиксировано в Илулисатской декларации. Однако в связи с тенденцией роста международного внимания к региону и проникновением в Арктику стран Европы и Азии, а также высокой стоимостью осуществления каких-либо проектов в регионе, становится ясно, что даже ограниченное сотрудничество с неарктическими игроками может пойти на пользу. Более того, ввиду поляризации стран в регионе приарктические государства стремятся поддерживать баланс в Арктике с помощью привлечения к этому сотрудничеству своих союзников и партнеров.

Так, например, российско-китайское тесное сотрудничество в Арктике много лет вызывает беспокойство и даже признано угрозой национальной безопасности некоторых стран. Ввиду событий февраля 2022 года и бойкота, объявленного западными странами России, взаимодействие России и Китая лишь укрепилось. Наблюдателем в Арктическом совете с 2013 года помимо Китая является и Индия, а заявка Бразилии на сегодняшний момент не удовлетворена, хотя в 2023 году страна уже отправила свою первую исследовательскую экспедицию в Арктику. Эти факты свидетельствуют об усилении контактов в регионе по линии Россия-БРИКС [19, с. 25].

Крайнее недовольство китайской политикой в Арктическом регионе выражает Финляндия в своей национальной стратегии. Так, отмечается значительный экономический интерес КНР к региону и подчёркивается, что «глобальные цели Китая и его усилия по усилению своей роли в Арктике могут привести к конфликту интересов, особенно между великими державами» [42, с. 22]. Не является секретом, что курс на сдерживание Китайской Народной Республики задан и в документах США. Внимание российско-китайскому сотрудничеству уделяется и в рамках Североатлантического альянса. Так, генсек НАТО Йенс Столтенберг отмечает, что «Россия и Китай формируют стратегическое арктическое партнерство, которое бросает вызов ценностям и интересам Североатлантического альянса». Все вышеупомянутые высказывания четко свидетельствуют о том, что вопрос союза России и Китая в Арктике не останется без внимания и западные державы предпримут все возможные меры для противодействия такому тесному сотрудничеству.

Вместе с тем считаем, что несмотря на громкие заявления и опасения, Арктика с трудом может войти в список наиболее приоритетных направлений внешней политики КНР. Во-первых, разработка ресурсов Арктического региона дорогостоящая и затратная, в то время как на сегодняшний момент Китаю для развития экономики необходим быстрый и достаточно дешевый результат, который страна может получить за счет ресурсов Центральной Азии, Латинской Америки, Африки. Во-вторых, в транспортном плане проект Полярного шелкового пути также не является приоритетным из-за своей сложности и стоимости – Китаю вновь будет проще поставлять свои товары в Европу через сухопутную часть проекта «Один пояс – один путь», проходящий через страны Центральной Азии, находящиеся в тяжелой долговой зависимости от КНР. Также отметим, что Северный морской путь все же остается важным внутренним российским маршрутом, а международным транзитным может стать лишь в далекой перспективе или, как в случае с Китаем, — «маршрутом Судного дня» в случае резкой милитаризации южных транспортных путей. По этой причине развитие проекта Полярного шелкового пути не идет высокими

темпами. Более того, КНР гораздо больше вкладывается в развитие инфраструктуры и транспортных маршрутов в Юго-Восточной и Центральной Азии и Африке, а на антарктическую программу тратит ощутимо больше, чем на свои арктические инициативы. В-третьих, существует мнение, что Арктика важна для Китая лишь в политическом контексте в качестве очередного региона, которым страна овладела на мировой арене. Таким образом, считаем, что в краткосрочной перспективе Китай не представляет опасности в Арктическом регионе.

Очевидно, что западные государства обращают пристальное внимание на «опасный» союз России и Китая в Арктике, однако стоит отметить и проникновение азиатской страны в Гренландию и Исландию. Так, исследование Арктики является приоритетным направлением китайско-исландского сотрудничества на современном этапе. В 2012 году, например, китайское научно-исследовательское судно «Сюэлун» преодолело Северный морской путь и остановилось в исландском порту Акюрейри. В 2018 году была начата деятельность китайско-исландской арктической обсерватории. В Гренландии же китайские компании контролируют несколько крупных горнодобывающих проектов, в частности, это касается редкоземельных металлов. В последние годы, однако, взаимодействие Исландии и Гренландии с КНР значительно снизилось вследствие негативной реакции США на китайскую экспансию в регионе. В этих странах Соединенные Штаты имеют свои собственные интересы – стоит упомянуть хотя бы американскую авиабазу Туле на севере Гренландии – и явно не будут мириться с китайским присутствием в этой части Арктики.

Обратимся к позиции иных арктических государств и вернемся к стратегии Исландии, которая позитивно оценивает рост международного внимания к Арктическому региону и отмечает, что такие обстоятельства создают разнообразные возможности для развития страны [15, с. 81]. Похожей позиции придерживается и Швеция, считая необходимым «расширение

сотрудничества с наблюдателями в Арктическом совете», а также «приветствуя активное участие ЕС в этом регионе» [51, с. 5].

Кроме того, в условиях быстрого таяния льдов неарктические государства поднимают вопрос об отмене 234 статьи Конвенции ООН «О покрытых льдом районах» [16, с. 158] и рассчитывают на интернационализацию Арктики, которая позволит им не только участвовать в экономических и транспортных проектах, но и играть определенную роль в управлении этим регионом. Такие планы неарктических государств вызывают дополнительную напряженность, поскольку напрямую затрагивают вопрос национальной безопасности «арктической пятерки».

Подводя итог всему вышесказанному, очевидным становится факт факту активизации гибридной войны в Арктике – более ожесточенной стала враждебная риторика арктических государств в отношении друг друга, нельзя не отметить и новый виток гонки вооружений в регионе. Примечателен и тот факт, что ранее в моменты наивысшей напряженности между странами все же существовали линии связи по главным вопросам и проблемам. Арктика всегда оставалась регионом, наименее затронутым любым кризисом. Сегодня же США и союзники отказываются поддерживать какую-либо связь, а Россия применяет ответные меры. Так, дипломатия арктических государств не справляется с поставленной перед ней задачами, и современная политика стран является недопустимой в текущих реалиях.

2.4 Потенциальные сценарии и тенденции развития международных отношений в Арктическом регионе

Изучение национальных доктрин и отдельных интересов государств в Арктике и анализ конфликтного потенциала региона позволяет нам применить метод политического прогнозирования для построения предположений о будущих сценариях развития событий в данном регионе.

Так, вопрос территориальных претензий с низкой вероятностью будет обострен в рамках Арктического региона в ближайшие 10 лет. Углубление споров возможно в случае преобладания на той или иной спорной территории природных ресурсов, стратегических интересов и национальной безопасности государств. В этом случае существует высокая вероятность, что активность государств в Арктике активизируется лишь к середине 21-го века в связи с исчерпаемостью ресурсов.

Следует подчеркнуть, что вопрос статуса Северного морского пути также может выйти из своей замороженной фазы в контексте таяния льдов и грандиозных планов России по использованию этого коридора в крупных международных масштабах. В этом случае США будут усиливать политическое и военное давление на Россию в регионе. Более того, в текущей геополитической обстановке вероятно объединение усилий Соединенных Штатов с союзниками по НАТО, которые ранее воздерживались от каких-либо оценок принадлежности пути. Такой исход ситуации потребует от России принятия более жестких мер в регионе для защиты своего национального суверенитета. Вопрос же правового статуса Северно-Западного прохода имеет меньше шансов на эскалацию в обозримом будущем.

В любом случае считаем необходимым скорейшее урегулирование существующих споров и претензий на основе двусторонних договоренностей государств (примером чего являлась недавняя нормализация ситуации в отношении острова Ханса), путем создания особого механизма урегулирования либо в рамках ООН. В современных условиях стремление к урегулированию той или иной проблемы будет способствовать общей деэскалации напряженности как в регионе, так и в рамках двусторонних отношений стран.

В обозримом будущем существует высокая вероятность неформального преобразования Арктического совета в сугубо прозападный блок интересов в Арктике – некоторые эксперты уже воспринимают такой сценарий за действительность. Такое развитие событий чревато выходом из Совета Российской Федерации, поскольку его деятельность перестанет соответствовать

интересам страны. Выход России из АС приведет к формированию ею своей коалиции в Арктике, например, с участием стран-членов БРИКС, что позволит создать равновесие сил и интересов в регионе, а также будет взаимовыгодной мерой для обеих сторон. Однако очевидно, что образование новой коалиции за Полярным кругом, в свою очередь, ускорит раскол и рост напряженности в Арктике в связи с активным противодействием этому западных держав.

Несмотря на относительно негативный прогноз, по нашему мнению, на данный момент очевидна острая необходимость скорейшего возобновления работы Арктического совета с участием всех восьми приарктических государств как минимум в сферах социального и научного сотрудничества. В текущей экологической обстановке недопустимо, чтобы геополитические трения сказывались на взаимодействии стран по этому вопросу. В целом, сегодня ситуация свидетельствует об утрате непредвзятого характера организации, а также наносит непоправимый ущерб ее имиджу и деятельности, поскольку уже зафиксирована потеря тесных контактов и прекращение обменов данными между учеными.

Более того, очевидно, что арктическое присутствие НАТО становится все более четким и в обозримом будущем наиболее вероятно все более частое проведение учений в регионе как под эгидой Альянса, так и на основе двусторонних или многосторонних договоренностей союзников. Не исключено и создание арктического командования в рамках НАТО. Это также ускорит милитаризацию региона и вызовет бурную ответную реакцию и зеркальные меры России. Хотя в НАТО все еще нет определенной арктической стратегии поведения, в связи со вступлением Швеции и Финляндии вполне вероятно проработка арктического вектора политики Организации и создание полноценной стратегии в ближайшее время.

В связи с ростом напряженности по линии Россия-НАТО в Арктике примечательной является идея создания форума, постоянных консультаций или встреч по вопросам арктической безопасности между этими странами [2, с. 759]. Такая мера позволит создать прямой постоянный канал коммуникации

между конфликтующими державами, а также придать относительную прозрачность ситуации с милитаризацией региона и тем самым повысить предсказуемость деятельности в Арктике. Вместе с тем велика вероятность, что подобная мера не будет принята с воодушевлением этими странами в связи с общей деградацией взаимодействия. Кроме того, возникают предложения отказа от создания новых институтов в Арктике и вынесение вопросов военной безопасности в повестку Арктического совета. Считаем такую меру неоправданной, поскольку с большой вероятностью смешивание повесток нанесет ущерб традиционным сферам взаимодействия Совета.

Вернемся к вопросу активного размещения военно-стратегических комплексов государств Арктического совета на Крайнем Севере. Так, Арктика не рассматривается в качестве приоритетного направления в случае ведения прямых боевых действий вследствие сложной природной и климатической обстановки, однако Министерства обороны приарктических стран рассматривают все потенциальные варианты. Таким образом, прямое столкновение государств в Арктике маловероятно, если исключить несчастные случаи и иные непреднамеренные инциденты. Вместе с тем во избежание возможных негативных сценариев и прекращения неконтролируемого военного строительства в регионе считаем необходимым достижение договоренностей стран Арктического совета об ограничении вооружений и проведении учений в Арктическом регионе. Такая мера также позволит снизить напряженность в регионе.

Поднимаемый неарктическими странами вопрос об интернационализации Арктики с высокой вероятностью так и останется неразрешенным, однако обострится к середине 21-го века в связи с общей деградацией экологической обстановки и снижением площадей льда и продолжит вносить нестабильность в международные отношения в регионе. Предложения о заключении общего договора об Арктике по аналогии с договором об Антарктике от 1959 года также не представляется возможным, поскольку в рамках 200-мильной исключительной экономической зоны страны осуществляют свою

национальную юрисдикцию, а идея общего договора подразумевает закрепление статуса Арктики как общего достояния мира.

Таким образом, следует отметить, что существующие разногласия территориального, политического и военно-политического характера не являются неразрешимыми и требуют пристального внимания государств, как и их активной работы и взаимодействия в этом направлении. Сегодня же, однако, продолжается намеченная двумя годами ранее линия государств Арктического совета по дестабилизации всеобъемлющего сотрудничества в регионе в ущерб благосостоянию коренных народов Севера, а также состоянию хрупких экосистем региона, от сохранности которых зависит климат всей планеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа посвящена анализу международных отношений в Арктическом регионе на современном этапе, а именно оценке его конфликтного потенциала и определению будущих тенденций развития событий. В ходе выполнения поставленных задач были сделаны следующие выводы.

Во-первых, в ходе исследования был подтвержден используемый в широких массах тезис о значительном росте интереса к Арктическому региону в последние годы. При анализе политики приарктических государств на разных этапах – в 1990-ых и 2020-ых годах было выяснено, что на первом из выбранных этапов из 8 государств Арктического совета полноценным планом политики в регионе обладали лишь Соединённые Штаты. Многие государства – в особенности, не имеющие выход к Северному Ледовитому океану – проводили достаточно пассивную внутреннюю и внешнюю политику в Арктике. Регион не рассматривался в качестве важной стратегической территории и зачастую воспринимался государствами в качестве периферийной зоны низкой напряженности. Вместе с тем активная научно-исследовательская деятельность и оформление институционального ландшафта Арктики заложили основу для тесного сотрудничества в регионе на годы вперед. Кардинальному изменению ситуации способствовало обнаружение крупных месторождений углеводородов в арктических континентальных шельфах в конце 2000-ых годов и рост интереса неарктических акторов к арктическим научным проектам в тот же период. В связи с этим многие из государств «арктической восьмерки» выпустили свои первые арктические стратегии именно в период 2007-2011 годов, стараясь закрепить свой суверенитет над арктическими зонами.

Вместе с тем действующие стратегии государств демонстрируют крайнюю напряженность в регионе. Зачастую отмечаются проблемы наращивания той или иной страной вооружений в регионе, подчеркиваются экологические риски. В отличие от 1990-ых годов, сегодня проблемы и угрозы

в Арктике являются угрозами безопасности для приарктических стран. Многие государства выражают надежду на сохранение региона в качестве зоны мира и сотрудничества, что кардинально не соотносится с фактом поддержания высокой боеготовности вооруженных сил, наращивания и усовершенствования военных мощностей в Арктике. Отчетливым стал и факт поляризации государств в регионе. Западные страны отмечают российскую и китайскую угрозы в Арктике, активно используют словосочетание «США и союзники». Страны «арктической пятерки» в своих документах также поднимают вопросы, например, разграничения континентальных шельфов, а Россия и Канада провозглашают оспариваемые Северный морской путь и Северо-Западный проход национальными артериями, что противоречит позиции Соединенных Штатов. Так, текущая ситуация отличается крайней напряженностью.

Во-вторых, в ходе работы были проанализированы некоторые споры и конфликты государств в регионе. Ключевым из них является вопрос принадлежности арктического континентального шельфа, на который претендуют сразу Россия, Дания и Канада. Кроме того, напряженность в регионе усиливается за счет неопределенности разграничения исключительных экономических зон России и США, Канады и США, Канады и Дании, Дании и Исландии. Выделяется вопрос правового статуса Северного морского пути и Северо-Западного прохода. Данные споры носят теоретический характер, поскольку упомянутые артерии исторически обладали национальным статусом и на сегодняшний момент активно не используются в международных масштабах. Таким образом, несмотря на мирное разрешение вопроса острова Ханса и морской границы России и Норвегии, противоречия государств сигнализируют об обострении конкуренции в регионе. При этом сегодня ни один из упомянутых споров не имеет предпосылок для урегулирования, особенно учитывая общую напряженность в мировой политике.

В политическом спектре противоречий в Арктике поставлено под вопрос абсолютное единство семи западных стран в региональных делах. Доказательством его отсутствия являются вышеупомянутые территориальные

разногласия, а также Илуиссатская декларация 2008 года, подтверждающая уникальные права «арктической пятерки» и изолирующая Швецию, Финляндию, Исландию и коренные народы региона. Таким образом, противоречия в Арктике происходят не только по линии Россия-Запад, но и между «союзниками». Более того, в направлении политических разногласий особо выделяется внесение западных стран-участниц Арктического совета в российский перечень недружественных стран, выход России из Совета государств Балтийского моря, Совета Баренцева/Евроарктического региона, а также бойкот западных стран, направленный против России в рамках Арктического совета. Так, сегодня ситуация сигнализирует о разрушении институционального ландшафта региона, обесценивании многолетнего плодотворного сотрудничества, а также возрастании рисков, связанных с экологической безопасностью региона.

Нельзя не отметить отказ Швеции и Финляндии от позиции нейтралитета и вступление этих стран в НАТО в 2022-2023 годах. Подобная мера не является неожиданной, поскольку на протяжении десятилетий Альянс укреплял взаимодействие с этими странами. Несмотря на то, что граница России и НАТО фактически удвоилась, присоединение Швеции и Финляндии к Альянсу будет представлять угрозу безопасности Российской Федерации лишь в случае размещения на территории этих стран того или иного оружия НАТО. Такой ход событий, конечно, потребует ответной реакции России. Следует подчеркнуть многочисленные договоры о военном сотрудничестве, заключенные Соединенными Штатами с Финляндией, Швецией, Норвегией и Данией, проведение западными странами военных учений в Арктическом регионе, модернизацию американско-канадской оборонной системы НОРАД, а также активизацию деятельности в рамках Североевропейского оборонного сотрудничества (НОРДЕФКО). Все вышеупомянутое свидетельствует о повышении градуса напряженности в регионе, а также увеличивает риски возникновения новой гонки вооружений.

В контексте роста интереса неарктических акторов к региону были проанализированы положения Белой книги Китая, а также рассмотрена арктическая политика Европейского союза. Очевидно, что проникновение тех или иных государств в регион негативно воспринимается странами «арктической пятерки», однако в некоторых случаях (таких как экономическая выгода от совместных проектов или цель поддержания баланса в регионе) сотрудничество приветствуется. Союз России и Китая признан угрозой национальной безопасности многих западных арктических держав, однако считаем, что сведения о деятельности Китая в Арктике во многом преувеличены западными странами и являются частью информационной войны в регионе. Так, намного больше внимания КНР уделяет совсем иным регионам мира, а проект Полярного шелкового пути имеет скорее политический облик и является дорогостоящим и трудно затратным для страны, ищущей быстрый и эффективный результат.

Наконец, мы выделили основные тенденции развития международных отношений в Арктическом регионе в обозримом будущем. Особую актуальность к середине 21-го века приобретет вопрос ресурсного и транспортного потенциала региона, что приведет к выходу некоторых споров из замороженной фазы: вероятно обострение проблемы континентального шельфа, а также правового статуса Северного морского пути. Разрушение системы «северного баланса» будет способствовать активному взаимодействию в Арктике России и ее союзников, прежде всего, по БРИКС, что вызовет негативную ответную реакцию стран НАТО.

Несмотря на то, что прямое военное столкновение государств в Арктике маловероятно, считаем необходимым создания форума по вопросам арктической безопасности по линии Россия-НАТО, а также позитивно оцениваем возможность скорейшего урегулирования споров и разногласий в регионе, как и подписание договора об ограничении вооружений в регионе. Обязательным является скорейшее возобновление работы Арктического совета в полном его составе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев, С. Пути разошлись: как Швеция и Финляндия в НАТО вступали / С. Андреев // Российский совет по международным делам (РСМД) : [сайт]. – 2023. – 7 апр. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-razoshlis-kak-shvetsiya-i-finlyandiya-v-nato-vstupali/> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Аржанов, И. А. Россия, НАТО и Арктика: соперничество, безопасность, возможные сценарии развития геополитической конкуренции / И. А. Аржанов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, №4. – С. 758-771.
3. Барановская, В. П. Арктическая политика Финляндии / В. П. Барановская, А. С. Скаридов // Океанский менеджмент. – 2022. – №1 (15). – С. 21-24.
4. Бежина, Ю. В. Североевропейское оборонное сотрудничество в постбиополярный период / Ю. В. Бежина // Мировая политика. – 2023. – №2. – С. 41-58.
5. Гутенев, М. Ю. Арктика во внешней политике США / М. Ю. Гутенев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2019. - №9. – С. 133-143.
6. Декларация об учреждении Арктического совета: декларация от 19.09.1996 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880137> (дата обращения: 07.04.2024).
7. Джусь, А. С какими странами-членами НАТО теперь граничит Россия / А. Джусь // Газета.ru : [сайт]. – 2023. – 4 апр. – URL: https://www.gazeta.ru/infographics/s_kakimi_stranami-chlenami_nato_granichit_rossiya.shtml (дата обращения: 11.03.2024).

8. Журавель, В. П. Арктическая стратегия Норвегии и вопросы безопасности / В. П. Журавель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – №5. – С. 23-30.
9. Журавель, В. П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике / В. П. Журавель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – №2. – С. 55-61.
10. Журавель, В. П. Современная Арктика: геополитические и международные измерения / В. П. Журавель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – №4. – С. 113-116.
11. Загорский, А. В. Безопасность в Арктике: [монография] / А. В. Загорский. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2019. – 114 с. - ISBN 978-5-9535-0570-3.
12. Заявление МИД России о выходе Российской Федерации из Совета государств Балтийского моря // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2022. – 17 мая. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813674/ (дата обращения: 10.04.2024).
13. Заявление МИД Российской Федерации о выходе России из Совета Баренцева/Евроарктического региона // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2023. – 18 сент. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899/ (дата обращения: 10.04.2024).
14. Игнатьев, М. В Латвии заявили, что Балтийское море станет «озером НАТО» / М. Игнатьев // Газета.ru : [сайт]. – 2024. – 5 янв. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/01/05/22060513.shtml> (дата обращения: 11.04.2024).
15. Киргизов-Барский, А. С. Деятельность Евросоюза в Арктическом совете: проблемы и перспективы / А. С. Киргизов-Барский // Арктика и Север. – 2021. – №45. – С. 75-84.

16. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву: конвенция ООН от 10.12.1982. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения: 02.03.2024).

17. Краснопольский, Б. Х., Пахомов, А. А. Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов : к председательству Российской Федерации в Арктическом совете в 2021–2023 гг. : [монография] / Б. Х. Краснопольский, А. А. Пахомов ; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. – Хабаровск : Дальневосточное отделение РАН, 2021. – 248 с. – ISBN 978-5-906118-58-5.

18. Кучинская, М. Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России / М. Е. Кучинская // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – №1(58). – С. 68-89.

19. Леонов, С. Н. Взаимодействие России и Китая в Арктике / С. Н. Леонов // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3, №3. – С. 7-16.

20. Львов, П. В МИД не исключили выхода России из Арктического совета. Посол МИД Корчуков назвал выход России из Арктического совета возможным / П. Львов // РИА Новости [сайт]. – 2023. – 11 мая. – URL: <https://ria.ru/20230511/arktika-1871104033.html> (дата обращения: 03.04.2024).

21. Матюхин, А. В. Интересы США и Канады в Арктическом регионе / Севостьянов П.И., Давыдова Ю.А., Матюхин А.В. // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, №4. – С. 58-68.

22. Об итогах второй министерской встречи прибрежных арктических государств, Челси, Канада, 29 марта 2010 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2010. – 30 мар. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovet-gosudarstv-barenceva/evroarkticeskogo-regiona-sber-/1673248/ (дата обращения: 17.04.2024).

23. Основы государственной политики Российской Федерации на период до 2035 года: указ Президента РФ от 05.03.2020 №164 // Совет

Безопасности Российской Федерации. – URL:
<http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/W5JeWAnrAypIMIMHXFRXEmQwLOUfoesZ.pdf> (дата обращения: 23.03.2024).

24. Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия: распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 12.04.2024).

25. Печерица, В. Ф. Открывающаяся Арктика в мировой политике и международных отношениях : [монография] / В. Ф. Печерица ; Дальневосточный федеральный университет. – Владивосток : ДВФУ, 2021. – 338 с. – ISBN 978-5-7444-5049-6.

26. План развития Северного морского пути до 2035 года: распоряжение от 01.08.2022 №2115-р // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/files/StA6ySKbVceANLRA6V2sF6wbOKSyxNzw.pdf> (дата обращения: 04.04.2024).

27. Портякова, Н. Дания поддалась базовому инстинкту. Вслед за Финляндией и Швецией страна разместит у себя американских военных / Н. Портякова // Коммерсантъ : [сайт]. – 2023. – 21 дек. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6413783> (дата обращения: 13.04.2024).

28. Постановление Правительства РФ “Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии до делам Арктики и Антарктики и персонального состава Комиссии”: постановление от 22.02.1993 №158 // Информационно-правовое обеспечение «Система ГАРАНТ». – URL: <https://base.garant.ru/1586684/#friends> (дата обращения: 28.03.2024).

29. Постановление Правительства РФ О Всероссийском научно-координационном центре по комплексным проблемам Севера, Арктики и жизнедеятельности малочисленных народов Севера Государственного комитета

Российской Федерации по социально-экономическому развитию Севера: постановление от 22.06.1992 №419 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901605567> (дата обращения: 28.03.2024).

30. Саммит ОДКБ: в Кремле состоялась встреча лидеров государств-членов Организации договора о коллективной безопасности // Администрация Президента России : официальный сайт. – 2022. – 16 мая. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68418> (дата обращения: 10.03.2024).

31. Смирнов, С. Россия «подарила» Норвегии 11% ее шельфовых запасов углеводородов / С. Смирнов // Ведомости : [сайт]. – 2013. – 4 марта. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2013/03/04/rossiya-podarila-norvegii-11-ee-shelfovyh-zapasov-uglevodorodov> (дата обращения: 16.04.2024).

32. Сотников, Г. Северные страны подписали соглашение о координации военно-воздушных сил / Г. Сотников // Российская газета : [сайт]. – 2023. – 24 марта. – URL: g.ru/2023/03/24/severnyie-strany-podpisali-soglashenie-o-koordinacii-voenno-vozdushnyh-sil.html (дата обращения: 10.03.2024).

33. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента РФ от 26.10.2020 №645 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 16.04.2024).

34. Уварчев, Л. Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция интегрируют военно-воздушные силы / Л. Уварчев // Коммерсантъ : [сайт]. – 2023. – 25 мар. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5899537> (дата обращения: 15.04.2024).

35. Черненко, Е. «Если мы потеряем Арктический совет, восстановить его будет очень сложно». Председатель комитета старших должностных лиц Арктического совета Мортен Хёглунд о сотрудничестве в Заполярье / Е. Черненко // Коммерсантъ : [сайт]. – 2023. – 21 нояб. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6350619> (дата обращения: 03.04.2024).

36. Чернушкин, И. А. Юридические аспекты разграничения арктических пространств на примере спора США и Канады относительно территориального статуса Северо-западного морского пути / И. А. Чернушкин // Океанский менеджмент. – 2022. – №2 (16). – С. 30-35.

37. Agreement Between the Government of Canada and the Government of the United States of America on Arctic Cooperation : Agreement No. 31529 of January, 11, 1988 // United Nations Treaty Collection. – URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201852/volume-1852-i-31529-english.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

38. Arctic Security Under Threat. Urgent Needs In a Changing Geopolitical and Environmental Landscape : Report of June, 10, 2023 / Standing Senate Committee on National Security, Defence and Veterans Affairs // Senate of Canada. – URL: https://sencanada.ca/content/sen/committee/441/SECD/reports/2023-06-28_SECD_ArcticReport_e.pdf (дата обращения: 27.03.2024).

39. Breum, M. Canada, Denmark agree on a landmark deal over disputed Hans Island / M. Breum // Arctic Business Journal [website]. – 2022. – June, 13. – URL: <https://www.arctictoday.com/canada-denmark-agree-on-a-landmark-deal-over-disputed-hans-island/> (дата обращения: 18.04.2024).

40. Canada's Arctic and Northern Policy Framework : Policy Framework of September, 10, 2019 // Government of Canada. – URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> (дата обращения: 26.03.2024).

41. Expeditions 1998-2018 // Swedish Polar Research Secretariat : official website. – 2024. – URL: <https://polarforskningsportalen.se/en/arctic> (дата обращения: 04.04.2024).

42. Finland's Strategy for Arctic Policy : Strategy of June, 18, 2021 // Government of Finland. – URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/163247> (дата обращения: 05.04.2024).

43. Foreign and Security Policy Strategy 2023 : Strategy of May, 16, 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. – URL: <https://um.dk/en/foreign-policy/foreign-and-security-policy-2023> (дата обращения: 29.03.2024).

44. Horton, A. The Navy is resurrecting a fleet to protect the East Coast and North Atlantic from Russia / A. Horton // The Washington Post [website]. – 2018. – May, 6. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2018/05/05/the-navy-is-resurrecting-a-fleet-to-protect-the-east-coast-and-north-atlantic-from-russia/> (дата обращения: 16.04.2024).

45. Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region : Parliamentary Resolution 25/151 of May, 19, 2021 // Government of Iceland. – URL: https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Arctic%20Policy_WEB.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

46. Memorandum of Understanding Between the Ministry of Defence of the Kingdom of Denmark and the Ministry of Defence of the Republic of Finland and the Ministry for Foreign Affairs of Iceland and the Ministry of Defence of the Kingdom of Norway and the Government of the Kingdom of Sweden on Nordic Defence Cooperation : Memorandum of September, 9, 2009 // Nordic Defence Cooperation. – URL: <https://www.nordefco.org/Files/nordefco-mou.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

47. Monga, V. Cold War-Era Defense System to Get Upgrade to Counter Russia, China: The U.S. and Canada move to modernize a missile-surveillance system in the Arctic that officials say is outdated / V. Monga, P. Viera // The Wall Street Journal [сайт]. – 2021. – feb. 27. – URL: <https://www.wsj.com/articles/cold-war-era-defense-system-to-get-upgrade-to-counter-russia-china-11614438048> (дата обращения: 26.03.2024).

48. National Strategy for the Arctic Region : Strategy of October, 7, 2022 // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).

49. Norway's Arctic Strategy – Between Geopolitics and Social Development : Strategy of July, 6, 2017 // The Government of Norway. – URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).

50. Reykjavík Declaration : Declaration of May, 20, 2021 // The Arctic Council Secretariat. – URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/b8fe81c0-265c-4920-ac82-1eac0754b960/content> (дата обращения: 03.04.2024).

51. Sweden's Strategy For the Arctic Region : Strategy of November, 6, 2021 // Government of Sweden. – URL: <https://www.government.se/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/sweden-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).

52. The Ilulissat Declaration : Declaration of May, 28, 2008 // Arctic Portal. – URL: <https://arcticportal.org/images/stories/pdf/Ilulissat-declaration.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

53. The Norwegian Government's Arctic Policy. People, opportunities and Norwegian interests in the Arctic : Policy of January, 26, 2021 // The Government of Norway. – URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/ud/vedlegg/nord/whitepaper_abstract2020.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

54. The Nuuk Declaration on Environment and Development in the Arctic : Declaration of September, 16, 1993 // International Environmental Agreements (IEA) Database Project. – URL: <https://iea.uoregon.edu/MarineMammals/engine/Documents/1-0279-0287.htm> (дата обращения: 25.03.2024).

55. United States Policy on the Arctic and Antarctic Regions : Presidential Decision Directive NSC-26 of June, 5, 1994 / National Security Council and National Security Council Records Management Office // Clinton Digital Library. – URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/12750> (дата обращения: 16.03.2024).

56. Umbrella Final Agreement between the Government of Canada, the Council For Yukon Indians and the Government of the Yukon : Agreement of May, 29, 1993 // Council of Yukon First Nations. – URL: <https://cyfn.ca/wp-content/uploads/2013/08/umbrella-final-agreement.pdf> (дата обращения: 26.03.2024).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
«ТЮ» МСФ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Соперничество государств в Арктике в современных международных
отношениях

Руководитель

 13.05.24
подпись, дата

ДОЦЕНТ, К.Ю.Н
должность, ученая степень

В.А. Мещериков
инициалы, фамилия
У.В. Мазуркевич
инициалы, фамилия

Выпускник

 13.05.24
подпись, дата

Красноярск 2024